

С.А. Сафронов

П.А. СТОЛЫПИН: РЕФОРМАТОР
НА ФОНЕ АГРАРНОЙ РЕФОРМЫ

В двух томах

ТОМ 2. АГРАРНАЯ РЕФОРМА

Монография

Гуманитарный институт

СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
SIBERIAN FEDERAL UNIVERSITY

Сергей Сафронов

**П.А. Столыпин: реформатор
на фоне аграрной реформы.
Том 2. Аграрная реформа**

«Сибирский федеральный университет»

2015

УДК 94(470+571)
ББК 63.3(2)533-210.6

Сафронов С. А.

П.А. Столыпин: реформатор на фоне аграрной реформы.
Том 2. Аграрная реформа / С. А. Сафронов — «Сибирский
федеральный университет», 2015

ISBN 978-5-7638-3211-2

В томе 2 монографии освещается процесс эволюции политики российского государства по отношению к крестьянской общине (от безоговорочной поддержки к полному неприятию), роль Государственной думы и Государственного совета в деле разработки нового законодательства о землеустройстве, исследуются ход и итоги столыпинской аграрной реформы (разрушения общины и переселения). Рассматриваются версии убийства главного реформатора начала XX в. П.А. Столыпина. Предназначена для научных работников, преподавателей и аспирантов.

УДК 94(470+571)
ББК 63.3(2)533-210.6

ISBN 978-5-7638-3211-2

© Сафронов С. А., 2015
© Сибирский федеральный
университет, 2015

Содержание

1. Аграрная политика российской власти: от общинного к частному землевладению	5
1.1. Крестьянская поземельная община – один из столпов русской государственности	5
1.2. Формирование идеологии разрушения крестьянской общины	14
Конец ознакомительного фрагмента.	35

С.А. Сафронов

П.А. Столыпин: реформатор на фоне аграрной реформы

Том 2 Аграрная реформа

1. Аграрная политика российской власти: от общинного к частному землевладению

1.1. Крестьянская поземельная община – один из столпов русской государственности

Крестьянская поземельная община, являясь исторически сложившейся формой совместного землепользования и самоуправления, занималась переделом земли, регулировала широкий комплекс вопросов внутриобщинной жизни и выполняла налоговые и иные обязательства перед государством. Община возникла исторически как способ коллективного выживания русского крестьянства. В общину крестьянин был приписан принудительно от рождения, а экономическое участие проявлялось в коллективной ответственности за выплату налогов и отчислении средств на общие нужды. Доходы от предприятий, учрежденных общинами, как правило, не распределялись среди индивидуальных хозяйств, а шли на погашение различных внешних обязательств и в первую очередь выплату государственных налогов. Это состояние можно охарактеризовать (с учетом крепостнического прошлого России) как вынужденную, принудительную приписку. Появление и устойчивость общины объяснялись как природно-климатическими факторами, заставляющими создавать наиболее адекватные организационно-хозяйственные структуры для совместного выживания, так и социально-политическими. Централизованное Российское государство видело в общине наиболее эффективный способ взаимоотношений с сельским миром. Этот социальный институт устраивал всех и выполнял поистине универсальные функции.

Вопрос о происхождении крестьянской общины был поставлен во второй половине XIX в. Сразу определились два направления: одни видели истоки крестьянской общины в родовой организации славян, другие отстаивали ее сравнительно позднее, фискальное, крепостническое происхождение. Суровые природно-климатические условия сделали процесс разложения первобытного общества у восточных славян необычайно длительным, растянутым на многие столетия. При всей очевидной архаичности общины в России по сравнению с общиной Западной Европы она была абсолютно неизбежной, закономерной чертой русского исторического процесса и отнюдь не зависела от чьей-то злой воли или недомыслия. Община преследовала свою главную цель – коллективное выживание в суровых условиях борьбы за существование. Государство в своих интересах использовало общину, но она не была навязана крестьянам извне, а выступала той социальной организацией, которая отражала объективные условия существования крестьянства и соответствовала вековым его традициям и огромному накопленному опыту борьбы за свое выживание в неблагоприятных условиях. В отличие от Западной Европы, в России не получило юридического закрепления римское право собственности, опирающееся на хорошо организованную базу юридических уложений. Именно там многовековая культура частной собственности развила такое качество экономической лично-

сти, как хозяйственный индивидуализм и экономический рационализм. В России же на протяжении многих веков хозяйство было основано не на частной собственности, а на своеобразном сочетании общинного пользования землей и власти государства, выступающего в роли высшего собственника¹.

Община как форма местного народовластия весь период своего существования активно сотрудничала с государственной властью, а после принятия Соборного Уложения 1649 г. превратилась в административную единицу. С введением подушной подати в 1722 г. государство возложило на общину обязанность по надзору за каждым из ее членов, наделив крестьянскую общину значительной принудительной властью, используя при этом институт круговой поруки. Такое интенсивное проникновение государственного вмешательства во внутриобщинные отношения было обусловлено значительным изменением правового положения всех категорий крестьянского населения страны – его дальнейшим закрепощением, которое надолго определило цивилизационное развитие страны. В условиях усиления крепостного гнета крестьянская община не могла защитить общинников от произвола помещиков либо предоставить иные гарантии устойчивости их социально-правового статуса. Поэтому роль общинного самоуправления в XVIII в. сводилась в основном лишь к обеспечению фискальных интересов государства и выполнению рекрутской повинности. Таким образом, усиление абсолютистского государства сделало возможным использование общины в полицейских целях. В первой половине XIX в., когда развитие капиталистических отношений объективно способствовало ослаблению сословных ограничений и расширению прав феодально-зависимого населения. Претерпел определенные изменения и правовой статус самой крестьянской общины, которая стала рассматриваться государством в качестве участника (пусть неравноправного) договорных отношений. Она выступала как субъект гражданского права, обладая обязательственными, наследственными и вещными правами, но большинство из них до реформы 1861 г. община могла реализовать лишь внутри себя самой².

Российское государство до XIX в. не располагало достаточно развитым административным аппаратом, чтобы установить какие-либо отношения с общиной каждого отдельного поселения. Государство предпочитало иметь дело с более крупным административным образованием – волостью, а собственно сельская община имела характер неформального объединения. С распространением крепостного права низкий гражданский статус крестьян еще более препятствовал официальному признанию их сообществ. Система управления государственными крестьянами, сформировавшаяся в течение XVIII столетия, имела волостную структуру управления; сельские общества рассматривались должностными лицами волости как своего рода устойчивые неформальные группы. Государственное управление и надзор над помещичьими крепостными крестьянами отсутствовали, и помещики несли полную персональную ответственность перед государством за действия своих крепостных³.

Центром и главным звеном крестьянской общины был сход. Полноправными участниками схода общины, превратившейся со временем в землевладельческую и податную единицу, являлись владельцы земельных наделов, домохозяева, лица, на которых лежали обязательства по отношениям землепользования и уплате налогов. Некоторые вопросы на сходе не могли быть решены, если хотя бы одно домохозяйство в общине оказывалось никем не представленным; это прежде всего были вопросы о земельных переделах, распределении податных обязательств и повинностей. Поэтому во многих общинах существовали четкие правила, кто может представлять домохозяйство на сходе и кто может заменять домохозяина, если он болен

---

¹ Сопин В.С. Эволюция российской крестьянской общины как неформального экономического института // Проблемы современной экономики. 2009. № 4 (32). С. 414–418.

² Воробьева Л.В. К вопросу о земельном обращении внутри крестьянской общины (XIX–XX вв.) // Вопросы правоведения. Тамбов, 1999. С. 102–109.

³ Милов Л.В. По следам ушедших эпох: статьи и заметки. М.: Наука, 2006. С. 500–538.

или в отлучке. Эти правила существенно различались от губернии к губернии, от общины к общине. Отсутствовавшего домохозяина мог заменить взрослый сын, обычно старший, или жена (вдова). Допускалось в отдельных случаях, что вынужденный отсутствовать на сходе домохозяин поручал голосовать за себя своему родственнику и даже соседу. Присутствие женщин и детей на сходах, как правило, не допускалось, мужское взрослое население деревни могло приходить на сходы, чтобы послушать, что говорят люди, но не все имели право высказываться, вмешиваться в обсуждение. Это касалось бездомных и бобылей, пьяниц и других носителей дурной репутации. Члены домохозяйств могли не только присутствовать, но и говорить на сходах, высказывать свои суждения, просьбы и пожелания, особенно в тех случаях, когда сход рассматривал семейные скандалы. Большое значение придавали общинники участию в сходе деревенского священника, мнение которого всегда выслушивалось. Во многих губерниях было принято, чтобы сходы начинались и заканчивались чтением молитв: у бога просили помощи и вразумления, поскольку все дела должны быть решены по-божески на основе справедливости и безобидности. Со стороны сход представлял из себя гомонящую толпу, где, как правило, не было ведущего; все говорили разом, пока кто-нибудь один не овладевал вниманием «опчества». Собравшиеся, бывало, громко переговаривались во время речи человека, словам которого мир не придавал большого значения, но все сразу замолкали, когда начинал говорить уважаемый состоятельный домохозяин, «умственный мужик», к авторитетному мнению которого всегда прислушивались. При внимательном рассмотрении оказывалось, что общий тон на сходе задавали несколько крепких домохозяев, и мир в конечном счете принимал такое решение, какое они запланировали. Но до поры до времени это было чисто моральное руководство, никакой обязательной властью деревенские авторитеты не обладали. Если лидеры общины пытались навязывать сходу решения, в результате осуществления которых могло появиться много обиженных и недовольных, мужики «поднимали крик», и такое решение проваливалось. Впрочем, в период разложения общинного строя и с появлением мироеда (кулака) как нового типа личности в общине, не стыдившегося эксплуатировать труд и доверчивость своих товарищей, демократическая атмосфера сходов резко пошла на убыль.

Круг вопросов, которые выносились на обсуждение схода, можно очертить лишь условно. Они выражали в обязательном порядке социальную природу общинного строя, характер общины как землеустроительной, землевладельческой организации, как податной единицы, они, как правило, представляли интерес для всей общины или для большинства крестьянских дворов. Этим определялась явка и активность общинников на собрании. К числу наиболее распространенных и типичных «полномочий» схода относились: 1) принятие решений о частичных или полных (черных) переделах земли. Подобные крупные мероприятия в общине проводились один раз по истечении определенного времени или во внеочередном порядке по требованию большинства домохозяйств, недовольных результатами предшествующего передела. В случае положительного решения назначали «делильщиков», уточняли порядок и организацию передела, хотя его «технология» в принципе давно и в деталях предписывалась обычаями деревни. На сходах, рассматривавших подобные вопросы, требовалось присутствие всех домохозяев, всех общинников, претендующих на земельные участки под условием выплаты податей; 2) контроль за передвижением земельных участков между отдельными домохозяйствами; все операции с «мироплатимой землей» внутри общины совершались только с разрешения схода. Он давал согласие на обмен земельными наделами между домохозяйствами, на выделение наделов при разделе имущества, на соединение надела домохозяина с наделом приемыша, сироты и т. п. Сход давал согласие на переход земельного участка от умершего домохозяина к его наследнику (брату, сыну, старшему в доме). Глава семейства не мог свободно распоряжаться выделенными ему земельными участками: согласие мира требовалось при сдаче земли в аренду, предоставлении ее в заклад; 3) распоряжение общественным фондом общинной земли, выделение даровой земли вдовам и сиротам, бобылям, предоставление

огородов нуждающимся семьям. Только с общественного приговора можно было сдать общинную землю в аренду или в залог под внешний заем. Сход принимал решения относительно режима использования лугов для сенокосения, выпасов, мест рыбной ловли, общественных лесов и т. п.; 4) раскладка денежных и натуральных платежей и повинностей. Сход определял очередность домохозяйств в несении таких повинностей, как караул табуна в дневное и ночное время, обязанность сторожить церковь или школу, но большинство повинностей было связано с участием в общем труде: ремонт дорог, починка изгородей, расчистка лесных участков, постройка мостов, плотин, мельниц и т. д. На сходе определялось время для общих работ и количество работников от каждого домохозяйства; 5) выбор должностных лиц общины – старосты, десятских, сельского писаря, вахтера – заведующего общественным хлебным «магазином», который представлял собой не что иное, как хранилище зерна, из которого выдавались натуральные ссуды и вспомоществования впавшим в нужду общинникам. У вахтера было два-три помощника без жалования. Кроме того, сход выбирал стариков по одному из каждой сотни для обсуждения, кому и сколько следует выдать хлеба, они должны были следить, «чтобы все было верно»⁴. В общине, судя по всему, существовало непростое делопроизводство, велись различные формы учета, заключались договоры купли-продажи, аренды, займа и др. Старосту и десятских выбирали на год из многочисленных семейств без жалования; 6) распоряжение общей собственностью общины, к которой относились здания, амбары и другие хозяйственные постройки, каменоломни и песчаные карьеры, мельницы и т. д. Сход определял условия пользования объектами общинной собственности общинниками и, возможно, посторонними, принимал решения о найме рабочей силы со стороны (пастухов, сторожей и т. п.). В ведении схода находились вопросы строительства новых и ремонта старых общинных строений, поддержания в хорошем состоянии деревенской церкви и школы. Исходя из имущественных соображений, сход давал разрешение на открытие в деревне лавок, питейных заведений и пр.; 7) рассмотрение вопросов о разделе домовладений с учетом их податных обязательств. В некоторых губерниях сход мог запретить семейные разделы до уплаты податей. Считалось, что без особой нужды сход не должен вмешиваться в семейные дела, но он вынужден был это делать, если члены семейства при имущественных разделах и выделах вступали в конфликты и выносили свой спор на общественность. На сходах улаживались споры между членами крестьянского двора о наследовании усадьбы, движимого имущества; 8) рассмотрение жалоб членов домохозяйства на главу семейства (большака), если он злоупотреблял своими правами, заключал сделки в ущерб хозяйству (например, сдача земли в аренду на невыгодных условиях), проматывал семейное имущество либо совершал аморальные действия. Если само семейство после смерти своего главы не могло вследствие разногласий определить, кто унаследует его положение, то сход сам назначал большака в семье. То же самое могло произойти в случае, когда действующий домохозяин оказывался явно неспособным исправно платить подати и исполнять повинности перед миром. Мир глубоко вникал в проблемы упадочных, вырождающихся семейств; без его согласия никому нельзя было передавать усадьбу и усадебную землю, сход решал, что из имущества разоряющихся хозяйств можно было продавать, а что нельзя; 9) контроль за исполнением податных обязательств – это, возможно, самая неприятная сторона деятельности общины, связанной круговой порукой и потому вынужденной пристально следить за плательщиком, принимать к нему меры с появлением первых признаков неплатежеспособности. На шее у мира всегда висело немалое число слабосильных стариков, солдатских родителей и жен, вдов и сирот, так что увеличивать количество иждивенцев община, естественно, не желала, особенно когда общинный коллективизм уже давал трещины. На сходе с неплательщиками говорили жестко. При наличии недоимки принимались меры: вслед за уговариванием шла продажа имущества. Вначале продавали хлеб и скот, затем отбирали землю и сдавали ее в

⁴ Мальцев Г.В. Крестьянская община в истории и судьбе России // Национальные интересы. 2009. № 4. С. 27–38.

аренду при условии, что за счет платежей погашалась задолженность. Не подлежали продаже единственная лошадь, женское имущество и бытовые вещи. Продажа имущества и отобрание земли, сдача ее в аренду осуществлялись только по приговору схода и под контролем общинных должностных лиц. Если мир все-таки снисходил к неплательщикам, попавшим в нужду вследствие болезни и других несчастных обстоятельств, то к тем, кто не платил по причине беспечности и загула, применялись, помимо продажи имущества и отобрания земли, другие наказания, вплоть до телесных; 10) сход был правомочен принимать оперативные хозяйственные решения, касающиеся всех членов общины. Устанавливались, например, некоторые агротехнические правила, обязательные для всех хозяйств, никто не мог отступать от общего севооборота, огораживать свои полосы или оставлять какие-либо сооружения, препятствующие осеннему выпасу скота. На сходах объявлялось общее время сбора лесных плодов, например кедрового ореха в сибирских деревнях, время лова рыбы в озерах. Иногда устраивали общий лов с последующим разделом добытой рыбы между хозяйствами. На сходах, бывало, устанавливались экологические запреты – например, запрет купаться и сбрасывать мусор в водоемы, из которых брали воду для питья и стирки; 11) выносились на сход и вопросы морального характера, хотя они, как правило, возникали при рассмотрении хозяйственных дел и были частью решений, которые мир принимал в связи с землевладением и налогами. Доискиваясь до причин бесхозяйственности и неплатежеспособности общинника, мир часто приходил к выводу, что все дело здесь в беспечности, распутстве и пьянстве. Меры принимались достаточно строгие – от выставления на прилюдный позор до унижительных телесных наказаний розгами. Родители беспутных парней и гулящих девиц должны были выслушивать на сходе неприятные слова в свой адрес, а сами лица, позорящие честь деревни, могли быть подвергнуты порке. Однако если власти или кто-либо со стороны напрасно обвиняли общинника в неприглядных делах, то мир дружно вступался за «хорошего человека», старался не дать его в обиду и, если надо, шел ради этого на материальные расходы⁵.

Сходы в деревне были общие и «частные». Общие сходы характеризовались участием всех или почти всех домохозяйств деревни, и именно на них принимались решения о переделах земли, о передвижении земельных участков, происходила раскладка податей и повинностей, выбиралось «деревенское начальство». На «частные» сходы собиралась часть деревни, улица или несколько улиц либо несколько соседних семейств. Они в основном решали вопросы семейного права; такой сход в большей или меньшей степени выступал как деревенский суд. В пореформенное время созывался примерно три или четыре раза в год так называемый волостной сход, который официально участвовал в волостном управлении и формировании волостных властей. Решения сельских общинных сходов назывались «мирскими приговорами», сформулированными во всеуслышанье на собрании с одновременной или последующей записью. В зависимости от характера рассматриваемого вопроса приговор считался действительным, если на сходе присутствовали, в одних случаях, все домохозяева деревни, в других – не меньше половины, но иногда признавали достаточным явку одной трети и даже одной четверти состава домохозяев. Для приговора о переделах земли необходимо было согласие всех домохозяев; убеждать несогласных принималось множество людей со всех сторон, и как только они уставали всем отвечать, переставали возражать и замолкали, то их молчание тут же принималось за знак согласия. Но так можно было выйти из положения при небольшом числе несогласных. Когда же общество раскалывалось и обиженных было много, разгорались жаркие споры и дело скорее всего заканчивалось компромиссом. Позднее в некоторых общинах применялось голосование, решения на сходах принимались по большинству голосов, при этом мнение незначительного числа лиц, голосовавших против, попросту игнорировалось.

⁵ Мальцев Г.В. Крестьянская община в истории и судьбе России... С. 27–38.

В результате отмены крепостного права в России была юридически закреплена должность сельского старосты – выборного должностного лица сельского общества. Его права и обязанности были закреплены в «Общем Положении о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, от 19 февраля 1861 г.». Избирался он сельским сходом на трехгодичный срок. По административным делам сельский староста находился в подчинении у волостного старшины, земского начальника, неперменного члена по крестьянским делам присутствия и др.; по полицейским – полицейскому уряднику, становому приставу, уездному исправнику и др. В то же время он зависел от общины, которая его выбирала, контролировала его работу, назначала плату за труд. Староста созывал и распускал сход, объявлял повестку, утверждал решения схода, приводил их в исполнение. Он следил за целостностью меж, за состоянием дорог, мостов, гатей на вверенном ему участке, за сбором взносов, исполнением повинностей и договоров, за порядком в общественных местах. Он должен был принимать меры по сохранению правопорядка и общественного спокойствия, задерживать лиц без документов, беглых солдат. Староста организовывал в случае необходимости борьбу с пожаром, наводнением, эпидемией и т. д. Ведомству старосты подлежали все лица податных сословий, проживавшие на подведомственной ему территории. Он имел право за маловажные проступки сажать под арест до двух дней, штрафовать до 1 руб. или назначать общественные работы до двух дней. Таким образом «Общее Положение» превратило старосту в полицейского. В ряде общин наряду с официальным сельским старостой был и неофициальный (иногда его называли «полевым» старостой). Он выступал как распорядитель и устроитель общественных интересов, собирал крестьян на общественные работы, следил за исправностью изгороди вокруг мирского поля, разбирая дела о потравах и запашках чужих полей. Двухаршинной дубинкой, символом своей власти, он постукивал под окном того хозяина, чье небрежное огораживание привело к потраве. Затем дубинка втыкалась в землю и стояла под окном до тех пор, пока приказание старосты не бывало исполнено. Если же воткнутая дубинка не производила впечатления, то «полевой» староста обращался к сельскому⁶.

В целом русская община во многом отличалась от западноевропейской. Главной и отличительной особенностью ее были переделы земли, которые отсутствовали в западноевропейской общине, где общинники владели землей в неизменной доле. Общинной собственностью называлось право собственности на землю, принадлежащее обществу сельских обывателей, отдельные члены которого имели лишь право совместного или обособленного пользования землей. Общинная собственность характеризовалась следующими признаками: а) субъектом права собственности являлся союз сельских обывателей как юридическое лицо; б) объектом права собственности могла быть лишь недвижимость, и притом только земля, находящаяся вне черты городов или местечек; в) членам союза принадлежало пользование землею или сообщца, или на особо отведенном каждому участке⁷.

Для определения земельного надела по Местному положению для великороссийских губерний вся территория делилась на три полосы: нечерноземную, черноземную и степную. Эти полосы, в свою очередь, делились на местности (нечерноземная – на девять, черноземная – на восемь, степная – на двенадцать), для каждой из которых устанавливался особый душевой земельный надел. Земля распределялась по ревизским душам (то есть женщинам земля не отводилась). В состав душевого надела входила как «усадебная оседлость», так и полевой надел, включавший в себя пахотные, пастбищные и сенокосные земли. Для черноземной и нечерноземной полос устанавливался высший и низший душевые наделы, причем низший составлял одну треть высшего. В степной полосе устанавливался один так называемый указанный надел. На практике наибольший по размерам надел устанавливался там, где земля

---

⁶ Зырянов П.Н. Крестьянская община Европейской России (1907–1914 гг.). М.: Наука, 1992. С. 28–29.

⁷ Шершневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. СПб.: Изд-во Бр. Башмаковых, 1910. С. 323–338.

представляла незначительную ценность, как, например, в северных уездах; там же, где земля ценилась дорого, наделы были минимальны. Установленные «Положением» нормы душевого надела, как правило, были ниже того количества земли, которое находилось у крестьян до реформы. Это давало возможность помещикам отрезать в свою пользу ту часть земли, которая превышала высший душевой надел. Данная ситуация привела к появлению печально знаменитых «отрезков», которые в черноземных губерниях составляли порой от 40 до 60 % обрабатываемой крестьянами земли (в других регионах меньше, но также значительно). Кроме того, в ряде случаев помещик имел право отрезать землю даже тогда, когда крестьянские наделы не превышали нормы высшего душевого надела. По Положению, это делалось, если в распоряжении помещика оставалось в черноземной и в нечерноземной полосе менее одной трети общего количества удобной земли, а в степной полосе – менее половины. Тогда помещик имел право сохранить за собой в первом случае одну треть, а во втором – половину «общей совокупности принадлежащих ему земель».

Если же крестьянский надел оказывался ниже установленного наименьшего размера душевого надела, то помещик либо должен был увеличить таковой, либо соответственно снизить повинности за пользование землей. Помещики имели право без согласия на то крестьян производить «разверстание угодий к одним местам», то есть предоставлять крестьянам земли в другом месте, а также переносить крестьянские усадьбы. Помимо этого, помещики имели право обменивать крестьянские земли. «Независимо от полюбовных соглашений помещику предоставляется во всякое время для приведения в исполнение своих хозяйственных предприятий... требовать от крестьян обмена необходимых ему участков из земли, отведенной в постоянное пользование крестьян». Этот обмен мог производиться, если на крестьянских наделах обнаруживали залежи торфа, минеральных источников и т. п., а также при желании помещика «провести по крестьянским угодьям дорогу или прогон».

Таким образом, по закону за помещиками признавалось право собственности на всю землю в их имениях, в том числе и на крестьянскую, которую те ранее обрабатывали в качестве своих наделов. Крестьяне получали наделы не в собственность, а в пользование, взамен за отработку повинностей (оброка и барщины) до полного выкупа земли у помещика. Крестьянам предоставлялись не только усадебные земли, избы с огородами, но и полевые наделы, закрепленные за сельской общиной, если они были у них по документам десятой ревизии 1858 г. Не получали землю дворовые крестьяне, крестьяне, переведенные на месячину, рабочие вотчинных мануфактур, крестьяне южного берега Крыма, где находилось много имений членов царской семьи и титулованной знати. Крестьяне не имели права отказаться от надела, но выкуп земли мог осуществиться только «по соглашению сторон», то есть по желанию помещика. В большинстве районов России, которых коснулась аграрная реформа (а это происходило лишь в тех губерниях, где было помещичье землевладение), земля переходила от помещиков не к отдельному крестьянскому хозяйству, а сельской общине в целом, где и производилось распределение наделов между крестьянскими дворами по количеству душ мужского пола. В пределах общины крестьяне не являлись собственниками земли, а лишь ее временными пользователями. Общинная собственность не подлежала купле-продаже. Более того, крестьяне должны были выкупать землю, собственниками которой после выкупа они не становились. Выкуп был обязательным. Если крестьяне отказывались это делать, государство принудительно взыскивало выкупные платежи. Поскольку промышленность еще была слабой и не могла поглотить большое количество рабочих рук, было решено ограничить отток деревенских жителей в города. Поэтому крестьяне не имели права отказаться от надела. Правительство предполагало, что такая мера будет временной, не более девяти лет, но в действительности все это сохранялось вплоть до начала XX в. С этой же целью власти не спешили выдавать паспорта освобожденным крестьянам. Их выдача осложнялась целым рядом условий (прежде всего условием полной уплаты налогов), хотя паспорта в стране были введены еще Петром I. Таким обра-

зом, освободившись от крепостного права, крестьяне оказывались в плену общины, в которой сохранялись правила круговой поруки. Вся община несла материальную ответственность за сбор налогов, отработку повинностей, поставку молодых людей на воинскую службу, содержание сельских церквей, школ, дорог и т. п. Община могла уплатить недоимки за беднейших крестьян, но в наказание могла отобрать надел и вернуть его в «мирской котел». Повсеместно сохранялись телесные наказания.

В целом «отрезки» в пользу помещиков по всей России достигали 18 % общей площади наделного фонда, который находился в распоряжении помещичьих крестьян до реформы. Совсем не обеспечивались землей бывшие дворовые. Средний размер крестьянского надела пореформенного периода составлял 3,3 дес. на душу мужского пола, что было меньше, чем до реформы. Реформа 1861 г. означала, что эпоха феодализма в России заканчивалась, но его пережитки еще долгие годы оставались в качестве реальности хозяйственной жизни страны. Это проявилось в том, что помещики не только сохранили огромные землевладения, но и отобрали часть лучших земель у общины, в то время как основная масса крестьян испытывала земельный голод. До 4 млн крепостных крестьян были освобождены совсем без земли или с минимальными наделами. Почти половина крестьян получила участки менее трех десятин, а более 5 % – до одной десятины земли на хозяйство. Это по существу явилось формой экспроприации земли у крестьян в процессе их освобождения. Долгие десятилетия крестьяне оставались в тисках отработок повинностей и выкупных платежей помещикам и правительству, оставаясь при этом неполноправным сословием. Провозглашенное в Манифесте право выбора хозяйственной деятельности в течение многих лет сводилось на нет необходимостью отрабатывать повинности в пользу помещиков за пользование наделами.

В 1893 г. по инициативе двух Министерств: внутренних дел и государственных имуществ были приняты два закона, направленных на сохранение общины: 8 июня 1893 г. был принят новый Закон («Об утверждении правил о переделах земли»), еще больше ограничивавший выход из общины. Закон 8 июня 1893 г. состоял из 10 статей, которые регулировали периодичность земельных переделов в общине. Он был распространен лишь на те местности империи, в которых было введено положение о земских начальниках. Действие закона распространялось на все пахотные земли крестьян, полученные ими как надел в общинное пользование, и на те угодья, которые подвергались переделу на одинаковых основаниях с пахотными землями. Передел земель, согласно новым правилам, мог совершаться лишь по приговору не менее 2/3 домохозяев, имевших голос на сходе, сроком не менее чем на 12 лет и не иначе как по проверке его на месте земским начальником и утвержденным уездным съездом. В приговоре об условиях передела, кроме срока, на который он совершался, указывалось: 1) по какому расчету распределялась земля между домохозяевами; 2) сколько по этому расчету душевых или иных наделных участков причиталось на каждого домохозяина. Уездный съезд мог отказать в утверждении приговора, если признавал, что он противоречил закону или наносил явный ущерб сельскому обществу, а также нарушал законные права отдельных его членов. В случае отказа в утверждении съезд указывал крестьянскому обществу причины неутверждения приговора и предоставлял ему составить новый приговор об условиях передела. Крестьянам, улучшившим качества своего надела посредством удобрения земли или иным способом, а также правопреемникам этих крестьян надел при переделе предоставлялся по возможности в прежнем месте, а при невозможности сделать это таким лицам должен быть отводиться надел равного качества с прежним; в случае отвода земли худшего качества им назначалось вознаграждение, производимое посредством соответственной сбавки в уплате повинностей или на иных основаниях. При всяком переделе, таким образом, земским начальникам и уездным съездам приходилось рассматривать вопрос по существу и поверять справедливость и целесообразность передела. Вне указанного срока переделы по закону 8 июня 1893 г. могли совершаться только: 1) в исключительных случаях и по «испрошении обществом особого разрешения губернского присут-

ствия»; 2) при решении общества окончательно упразднить общинное землевладение путем раздела мирской земли на подворные участки; в последнем случае отпадали все ограничения, установленные новым законом. Закон 8 июня 1893 г. касался также и так называемых «частных переделов»: он постановлял, что со времени приведения в действие приговора об условиях переделов и до утверждения нового (то есть, по крайней мере, 12 лет) участки отдельных домохозяев не могли отбираться обществом ни в полном составе, ни по частям, за исключением случаев: 1) смерти домохозяина, увольнения его из общества, высылки по суду или общественному приговору, безвестной его отлучки и оставления хозяйства без попечения (если после умершего или выбывшего лица не осталось в обществе членов семейства, за которыми участок мог быть сохранен); 2) отказа самого домохозяина от пользования землей; 3) «неисправности его в платеже повинностей». В данных случаях обществу предоставлялось право или оставлять участки в общественном пользовании в виде мирских оброчных статей, или передавать их в пользование другим домохозяевам на время до следующего передела или на более короткий срок. Приговоры общества о таких участках требовали поддержки большинства 2/3 домохозяев, а также предварительной проверки на месте и утверждения земским начальником. Земский начальник, не согласный с приговором общества, представлял дело в уездный съезд, от которого зависела отмена такого приговора⁸.

Закон 14 декабря 1893 г. («О некоторых мерах к предупреждению отчуждаемости крестьянских наделных земель») имел еще более консервативный характер. Некоторые нормы ст. 165 Положения о выкупе 1861 г. им были просто отменены⁹. Этой статьей крестьянину предоставлялось право требовать выдела причитающегося ему участка полевой земли к одному месту и свободного распоряжения им (с правом продажи) в случае досрочного внесения всей суммы выкупных платежей. Закон 14 декабря 1893 г. постановил, что для досрочного выкупа необходимо согласие 2/3 сельского общества с последующим утверждением такого решения земским начальником. Закон запрещал залог наделных земель в частных кредитных учреждениях и продажу их посторонним лицам, не принадлежавшим к сословию «свободных сельских обывателей». Иначе говоря, крестьянскую наделную землю можно было продавать только крестьянам.

Таким образом, государство, взявшее на себя задачу жесткого регулирования землевладения и землепользования, должно было быть готовым к резкому усилению требований крестьянства о наделении его землей: опекун несет ответственность за состояние дел подопечного. В качестве исторического прецедента крестьянством рассматривалась реформа 1861 г., когда государевым велением помещичья земля была передана им за выкуп. Пока внутриполитическое и внешнеполитическое положение страны оставалось относительно спокойным, крестьянство лишь напоминало об этой проблеме более или менее обширными нарушениями прав земельной собственности. Так было в 1902 г. в Полтавской и Харьковской губерниях, так было в губерниях земледельческого центра страны в 1903–1904 гг. Но внешнеполитические осложнения, спровоцировавшие Русско-японскую войну (войну неудачную), и внутриполитический кризис неминуемо вели к росту массовости крестьянского движения и радикализации его требований.

---

⁸ Миклашевский И.Н. О численном методе изучения общественных явлений // Образование. 1897. № 1.

⁹ Шебзухова Ф.Х. Проблема крестьянской общины во внутренней политике царского правительства во второй половине XIX в. // Вестник Адыгейского гос. ун-та. 2006. № 4. С. 35.

1.2. Формирование идеологии разрушения крестьянской общины

П.А. Столыпин был твердым сторонником разделения крестьянской общины на хутора и отруба и установления на них «права собственности». Так, в речи «Об устройстве быта крестьян и о праве собственности», которую он произнес во II Государственной Думе 10 мая 1907 г., П.А. Столыпин утверждал, что без введения института крестьянской частной собственности в России «стимул к труду, та пружина, которая заставляет людей трудиться, была бы сломлена... Вследствие этого культурный уровень страны понизится. Добрый хозяин, хозяин изобретательный, самую силой вещей будет лишен возможности приложить свои знания к земле... Ведь... собственность имела всегда своим основанием силу, за которую стояло и нравственное право»¹⁰.

Вместе с тем П.А. Столыпин отдавал себе отчет в том, что землю могут получить не только трудолюбивые крестьяне. По этому поводу он высказал следующее: «Каждый гражданин – а между ними всегда были и будут тунеядцы – будет знать, что он имеет право заявить о желании получить землю, приложить свой труд к земле, затем, когда занятие это ему надоест, бросить ее и пойти опять бродить по белу свету. Все будет сравнено, – но нельзя ленивого равнять к трудолюбивому, нельзя человека тупоумного приравнять к трудоспособному... Точно также право способного, право даровитого создавало и право собственности на Западе... Ведь богатство народов создает и могущество страны»¹¹.

Между тем формирование столыпинского аграрного курса на ликвидацию общинного землевладения началось задолго до начала реформы. Идеологическая основа реформы базировалась на теории английского экономиста Адама Смита (1723–1790). Он родился в Шотландии в городке Кирколде, расположенном неподалеку от ее столицы Эдинбурга, в семье таможенного чиновника. В 14 лет Адам Смит поступил в Глазговский университет, который закончил спустя три года. В 1740 г. в числе лучших студентов он был удостоен стипендии для завершения своего образования в Оксфордском университете, где учился вплоть до 1746 г. В 1751 г. он был назначен профессором логики в Глазговском университете, а в конце того же года перешел на кафедру моральной философии, на которой преподавал до 1764 г. Крупная научная работа «Теория моральных чувств», изданная им в 1759 г., принесла ему широкую известность. Но в дальнейшем научный интерес Адама Смита все более смещается к экономической науке, что было связано отчасти с активным его участием в своеобразном Глазговском клубе политической экономии, а отчасти – дружбой с философом и экономистом Давидом Юмом. В 1776 г. вышла в свет его книга «Исследование о природе и причинах богатства народов». Она четырежды переиздавалась при жизни Адама Смита. Уже первые слова, с которых начинается книга: «Годичный труд каждого народа представляет собою первоначальный фонд, который доставляет ему все необходимые для существования и удобства жизни продукты», – позволяют понять, что экономика любой страны, по Адаму Смиту, развиваясь, приумножает богатство народа не потому, что этим богатством являются деньги, а потому, что его надо видеть в материальных (физических) ресурсах, которые доставляет «годовой труд каждого народа».

Центральное место в методологии исследования Адама Смита занимает концепция экономического либерализма, в основу которой, как и физиократы, он положил идею естественного порядка, то есть рыночных экономических отношений. Он это постоянно подчеркивал, что рыночные законы лучшим образом могут воздействовать на экономику, когда частный

---

¹⁰ Речь П.А. Столыпина «Об устройстве быта крестьян и о праве собственности», произнесенная в Государственной Думе 10 мая 1907 г. // Столыпин / сост. С. Рыбас. М.: Молодая гвардия, 2003. С. 288.

¹¹ Там же. С. 288.

интерес стоит выше общественного, и интересы общества в целом рассматриваются как сумма интересов составляющих его лиц. В развитие этой идеи автор «Богатства народов» ввел ставшие затем знаменитыми понятия «экономический человек» и «невидимая рука рынка». Адам Смит полагал, что с развитием экономики цены на промышленные товары имеют тенденцию снижаться, а на сельскохозяйственные продукты – подниматься, поэтому, по его мысли, в странах, где сельское хозяйство представляет собой самое выгодное из всех приложений капитала, капиталы отдельных лиц будут вкладываться самым выгодным для всего общества образом, поэтому «интересы первого из этих трех классов (землевладельцев) тесно и неразрывно связаны с общими интересами общества. Все, что благоприятствует или вредит интересам первого, неизбежно благоприятствует или вредит интересам общества».

Непременным условием для того, чтобы экономические законы действовали, является, по убеждению Адама Смита, свободная конкуренция. Только она, считал он, может лишить участников рынка власти над ценой, и чем больше продавцов, тем менее вероятен монополизм, ибо, по словам ученого, монополисты, поддерживая постоянный недостаток продуктов на рынке и никогда не удовлетворяя полностью действительный спрос, продают свои товары намного дороже естественной цены и поднимают свои доходы. По сравнению с плановой, рыночная экономика имеет два преимущества: во-первых, в ней используются знания всех участников рынка, а не только очень узкого круга лиц, занятых планированием и управлением производством в рамках командной экономики; во-вторых, рынок служит частным целям индивидуумов во всей его гамме, хотя и не гарантирует обязательного удовлетворения сначала более важных потребностей, а затем менее важных. Роль конкуренции как раз и заключается в том, что благодаря ей на рынке возникает и поддерживается спонтанный порядок, который не зависит от чужой воли, желания и намерений.

Хорошие дороги, каналы и судоходные реки, сокращая расходы на перевозку, ставят отдаленные части страны в положение, приблизительно одинаковое с участками, расположенными поблизости к большим городам. С этой точки зрения они представляют собою величайшее из всех улучшений. Они поощряют обработку отдаленных частей страны, которые всегда являются и самыми обширными. Они приносят выгоды городу, уничтожая монополию его ближайших окрестностей, они выгодны далее и для самих этих окрестностей: хотя эти дороги содействуют ввозу некоторых конкурирующих товаров на прежний рынок, они вместе с тем открывают много новых рынков для продуктов этих окрестностей. Монополия, помимо того, является великим врагом хорошего хозяйства: последнее может получить всеобщее распространение только в результате того свободного и всеобщего соперничества, которое вынуждает каждого прибегать к хорошему ведению хозяйства в интересах самозащиты¹².

Численность населения той или другой страны пропорциональна не тому количеству людей, которое может быть обеспечено доставляемыми ею одеждой и жилищем, а тому количеству людей, которое может быть прокормлено ею. Когда обеспечена пища, легко найти необходимую одежду и жилище. Благодаря улучшению и обработке земли труд одной семьи может уже снабжать пищей две семьи, труд половины всего общества оказывается достаточным для снабжения пищей всех жителей. Поэтому другая половина или по меньшей мере значительная часть ее может быть использована для добывания других предметов или для удовлетворения других потребностей человечества. Все, что увеличивает плодородие земли, производящей пищу, увеличивает не только стоимость земель, которые подверглись улучшению, но и стоимость других земель, создавая новый спрос на их продукты. Излишек пищи, которым благодаря улучшению земли могут располагать многие люди сверх того, что они сами могут потребить, представляет собой основную причину спроса на драгоценные металлы и камни, а также на всякие другие удобства и украшения в одежде, жилищах, домашней утвари и наря-

¹² Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 1954. С. 78.

дах. Пищевые продукты не только составляют главную часть мирового богатства, их изобилие создает главную часть стоимости многих других видов богатства¹³.

В XVIII в. даже в наиболее развитых в промышленном отношении странах большинство населения было занято в сельском хозяйстве: в Англии – 75 %, во Франции – 80–85 %, в Финляндии – 81 %. Тип аграрного развития в различных регионах Европы был неодинаков. Причиной весьма значительных региональных особенностей в развитии аграрной жизни Западной Европы периода мануфактурного производства было прежде всего различие в путях эволюции форм земельной собственности. В классическом виде переход к поместью нового типа, характерному для капиталистического производства, совершался только в Англии. Прежде крестьяне здесь обрабатывали собственную землю, которую они держали на феодальном праве; теперь они в большинстве своем были согнаны с своих наделов и лишились прав на общинную землю. Часть из них вынуждена была превратиться в простых сельских рабочих, другая – в фермеров. Адам Смит был сторонником так называемого «нормального развития» сельского хозяйства, то есть перехода от малого к большому производству. Так, в частности, он приводил в качестве примера Шотландию, где в определенный период было много мелких фермерских хозяйств, большая часть из которых постепенно разорилась, и их земли были скуплены более удачливыми соседями. Таким образом, вместо множества мелких хозяйств образовалось относительно небольшое количество крупных. Разорившиеся фермеры стали наемными сельскохозяйственными рабочими у своих более богатых соседей.

Согласно Адаму Смиту, та часть капитала фермера, которая затрачивается на сельскохозяйственные орудия, представляет собой основной капитал, а та, которая употребляется на заработную плату и содержание его рабочих, будет капиталом оборотным. Он извлекает прибыль из первого, удерживая его в своем обладании, а из второго – расставаясь с ним. Цена или стоимость его рабочего скота представляет собой основной капитал точно так же, как и цена орудий его хозяина; корм, затрачиваемый на содержание скота, составляет оборотный капитал, как и средства на содержание рабочих. Фермер получает прибыль, не выпуская из рук рабочего скота; прибыль же на фураж он извлекает, расставаясь с ним. И цена, и содержание скота, покупаемого и откармливаемого не для работы, а на продажу, является оборотным капиталом. Фермер получает свою прибыль, продавая его. Стадо же овец или рогатого скота, которое в стране, пригодной для их содержания, покупается не для работы и не для продажи, а с целью получить прибыль от их шерсти, молока и приплода, есть основной капитал, так как прибыль получается путем сохранения скота. Напротив, содержание скота есть оборотный капитал. Прибыль на него получается путем его продажи, и капитал возвращается обратно в цене шерсти, молока и приплода не только со своей собственной прибылью, но и с прибылью на всю цену скота. Также и вся стоимость семян есть, собственно, основной капитал. Фермер получает свою прибыль не от продажи их, а от их приращения. Общие запасы любой страны или общества совпадают с суммой запасов всех ее жителей или членов¹⁴.

С идеями Адама Смита русские познакомились «из первых рук», непосредственно из его лекций. Это были студенты Московского университета С.Е. Десницкий и И.А. Третьяков, посланные для завершения образования в Британию. В Глазго они слушали лекции Адама Смита и Джеймса Миллара, также ученика Адама Смита. Работа С.Е. Десницкого, в свою очередь, прямо или косвенно повлияла на второе приложение к «Наказу» Екатерины II¹⁵. Возможно, что она разделяла наиболее существенные позиции Адама Смита независимо от факта непосредственного влияния его идей. С.Р. Воронцов – российский посол в Лондоне, послал

---

¹³ Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов... С. 95–97.

¹⁴ Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов... С. 98.

¹⁵ Артемьева Т.В. Адам Смит в России // Философский век. Альманах. Россия и Британия в эпоху Просвещения: опыт философской и культурной компаративистики. СПб.: Санкт-Петербург. центр истории идей, 2002. Вып. 19. Ч. 1. С. 39–66.

своему брату в 1786 г. сочинение Адама Смита «Богатство народов». Его сестра Е.Р. Дашкова, близкая подруга Екатерины II, провела в Эдинбурге несколько лет (1776–1779), в течение которых ее сын получал там образование. В Эдинбургском салоне княгини Е.Р. Дашковой бывали Вильям Робертсон, Хью Блэр, Адам Смит, Адам Фергюсон. В своих «Записках» она отмечала: «Я имела удовольствие сблизиться с Робертсоном, Адамом Смитом, Фергюсоном и Блэром. Когда я жила в Эдинбурге, они каждую неделю были у меня два или три раза, и я столько же удивлялась их познаниям и талантам, сколько скромности и простоте манер. При всем различии своих ученых направлений, при всей самостоятельности и соревновании друг другу, эти почтенные люди жили совершенными друзьями; их обхождение, не имевшее ни тени притворства, их разговор, чуждый всякого педантизма, был поучительный и вместе привлекательный»¹⁶.

Первым переводом сочинений Смита на русский язык было фундаментальное издание «Богатства народов», выполненное по приказу министра финансов Д.А. Гурьева, в четырех томах¹⁷. Автором перевода с английского языка был Н.Р. Политковский, в то время служивший в Канцелярии государственного казначейства графа А.И. Васильева. Параллельно с этим изданием вышел своеобразный «дайджест» сочинения Адама Смита в «Санкт-Петербургском журнале», органе Министерства внутренних дел. В первом отделении этого журнала печатались официальные документы правительства, а второе отделение составляли «Переводы и сочинения до управления касающиеся». Инициатором издания этого журнала был М.М. Сперанский.

Большое количество известных российских либералов испытали на себе влияние идей Адама Смита. Среди них были: М.М. Щербатов, П.Я. Чаадаев, А.И. Тургенев, Генрих-Фридрих Шторх, М.Н. Муравьев, В.А. Жуковский. Младшие братья Александра и Константина великие князья Николай Павлович и Михаил Павлович и их сестры также получили свою порцию Адама Смита. Их учителем политэкономии стал А.К. Шторх. Основным принадлежавшим ему теоретическим трудом был «Курс политической экономии», основанный на курсе лекций, прочитанных царственному семейству. Ученик М.Н. Муравьева, Александр I пригласил последователя Адама Смита просветить его братьев и сестер. В первой четверти XIX в. сочинения Смита стали не просто популярными. Они были в моде среди либеральной части российского образованного общества¹⁸.

В 1818 г. появилась книга «Опыт теории налогов» Н.И. Тургенева (СПб., 1818). В ней он воспроизвел знаменитые смитсианские принципы взимания налогов: 1) принцип справедливости (налоги должны соответствовать доходу); 2) принцип определенности (срок, способ и сумма платежа должны быть ясны плательщику); 3) принцип удобства (налог должен взиматься тогда и в такой форме, как это удобно тому, кто его платит); 4) принцип экономии (налоги должны быть сведены к разумному минимуму). Кроме того, добавляет Н.И. Тургенев, налог должен взиматься с дохода, а не с самого капитала. Он характеризовал главную свою задачу так: «В этой книге я указывал, какое влияние производит изучение политических наук, и особенно экономики на нравственность. Я старался доказать, что экономические, финансовые и политические теории истинны лишь тогда, когда они основаны на принципе свободы. При всяком удобном случае я приводил в пример Англию, ее могущество и богатство, проистекающее прежде всего из тех установлений, которыми в то время в Европе обладала она одна»¹⁹. Н.И. Тургенев не только излагал идеи Адама Смита, но развивал их применительно к экономическим и политическим особенностям России.

¹⁶ Записки княгини Е.Р. Дашковой. М., 1990. С. 137.

¹⁷ Исследование свойства и причин богатства народов. Творение Адама Смита: в 4-х т. СПб., 1802–1806.

¹⁸ Артемьева Т.В. Адам Смит в России... С. 39–66.

¹⁹ Тургенев Н. Россия и русские. М., 2001. С. 53–54.

Известно пристальное внимание к труду Адама Смита декабристов, неоднократно ссылавшихся на него в своих сочинениях. Одно из наиболее ярких свидетельств этого влияния – незаконченное сочинение П.И. Пестеля «Практические начала политической экономии»²⁰. Известный юрист и философ Б.Н. Чичерин вспоминал, что, когда в 1840-х гг. он учился в Московском университете, политэкономия читалась там по Адаму Смиту²¹. Александр II также испытал влияние Адама Смита. В 1866 г. появляется новое трехтомное издание «Богатства народов», перевод которого был сделан П.А. Бибиковым²². Книга Адама Смита стала одной из серии «Библиотеки классических европейских писателей», задуманных П.А. Бибиковым. В нее вошли также сочинения О. Бланки, Ф. Бэкона, К. Биша, П.Ж. Кабаниса, Т. Мальтуса. Далее последовал целый ряд изданий (в том числе и в советское время). В целом распространение идей Адама Смита шло в России «сверху». Перевод и издание его трудов были санкционированы правящими кругами. И это не удивительно, учитывая тот факт, что по меньшей мере три поколения российских правителей были воспитаны на его идеях.

Одним из последователей идей Адама Смита в России был министр финансов и председатель Комитета министров Н.Х. Бунге (1823– 1895). Его ранние труды были отмечены влиянием классической политэкономии. «Теория кредита» (Киев, 1852), написанная по материалам докторской диссертации, представляет идеи школы «великого шотландца» – А. Смита, а именно частный интерес и свободу промышленности в качестве ключевых. Н.Х. Бунге указывал, что не следует искать новые основания науки, поскольку они существуют давно: частный интерес является главным двигателем хозяйственной деятельности, а «свобода промышленности составляет для него необходимую среду». Сюда он присоединял и соперничество (конкуренцию), ту живую действенную силу, отрицать которую «невозможно и безумно».

Приоритетное значение Н.Х. Бунге придавал решению крестьянского вопроса. Он принадлежал к приверженцам частной крестьянской собственности на землю. В публицистике 1858–1859 гг. Н.Х. Бунге обосновал основное требование либеральной программы отмены крепостного права – освобождение крестьян с землей за выкуп, предложил свой план проведения выкупной операции, подчеркнул тесную связь реформы с преобразованием системы кредита, налогообложения, паспортного устава. Вместе с тем он высказался за постепенность переворота в деревне с целью избежать кризисных явлений в экономике и социально-политических потрясений. Становлению крестьянского землевладения должны были парадоксальным образом способствовать элементы того самого крепостничества, которое уже уходило в прошлое, община с круговой порукой, временнообязанное состояние крестьян, ограничения на право отчуждения земли и др. Их сохранение носило временный характер, так как, по мнению Н.Х. Бунге и других либералов, новое землеустройство не оставляло им места в будущем аграрном строе России.

В Редакционных комиссиях (1859–1860) Н.Х. Бунге принадлежал к либеральному большинству и отстаивал ключевые положения либеральной программы и в том числе – установление принципов бессрочного пользования наделами и неизменности повинностей. Это имело решающее значение для освобождения крестьян с землей, так как выкуп не устанавливался законодательно как цель реформы, а подразумевался членами Комиссий как ее логическое завершение. Он внес весомый вклад в разработку важнейшего звена реформы – выкупной операции, которая предполагала добровольность выкупа, но при том, что его условия определяются правительством: размеры надела, подлежащего выкупу, сумма крестьянского долга и

²⁰ Пестель П.И. Практические начала политической экономии // Избранные социально-политические сочинения декабристов. М., 1951. Т. 2.

²¹ Чичерин Б.Н. Студенческие годы. Москва сороковых годов // Московский университет в воспоминаниях современников. М., 1989. С. 395.

²² Смит А. Исследования о природе и причинах богатства народов с примечаниями Бентама, Бланки, Буханана, Гарнье, Мак-Кулоха, Мальтуса, Милля, Рикардо, Сея, Сисмонди и Тюрго: в 3 т. СПб., 1866.

выкупных платежей, способы выплаты компенсации помещикам и др. Только при соблюдении этих условий выкуп действительно становился неизбежным²³.

Вскоре после провозглашения отмены крепостного права Н.Х. Бунге выступил за корректировку и дополнение «Положений» 19 февраля 1861 г. Особое внимание он обращал на организацию переселений малоземельных крестьян на свободные казенные земли, облегчение перехода из одного «общества» в другое и пересмотр паспортного устава, затруднявшего мобильность сельского населения. Но эти предложения не получили поддержки в «верхах». Правительственные мероприятия первых пореформенных десятилетий имели частный характер и не означали каких-либо изменений в общем направлении аграрной политики. Только к концу 1870-х гг. в ходе статистических исследований, общественных дискуссий и деятельности министерских комиссий был накоплен достаточный материал, который позволил выявить основные тенденции в развитии сельского хозяйства и определить новые задачи в решении крестьянского вопроса.

До середины 50-х гг. XIX в. Н.Х. Бунге воспринимал крестьянскую общину в России как пережиток средневековья и сочувствовал популярному на тот момент лозунгу европейской экономической науки о немедленном разделе общинных владений между крестьянами. Но в предреформенные годы его позиция изменилась. Он понимал, что без ручательства «мира» за выкупные платежи правительство не решится на отмену крепостного права. Наблюдая опыт аграрных реформ в западных странах, Н.Х. Бунге опасался, что слишком быстрая ломка общины может привести к обезземеливанию и пролетаризации крестьянства, что, в свою очередь, вызовет обострение социальных противоречий в России. «Сожалея всегда о чужом горе, – писал он, – о пролетариате и пауперизме Англии и Франции, не зная этих бед в настоящем, мы хотим застраховать себя от них в будущем». Поэтому, по его мнению, превращение крестьян в собственников должно было охватить длительный период времени, чтобы «простолюдин научился ценить собственность как средство для упрочения своего экономического положения и для приобретения образования». Одним из наиболее эффективных средств для борьбы с малоземельем и для становления частного крестьянского землевладения Н.Х. Бунге считал переселение на окраины страны. Также он предлагал продавать крестьянам государственные земли²⁴.

В 1863–1864 гг. Н.Х. Бунге преподавал финансовое право наследнику престола великому князю Николаю Александровичу. Интеллигентный и эрудированный профессор из Киева понравился царской семье. Вскоре к изучению финансов на некоторое время присоединился и великий князь Александр Александрович. Будущий самодержец также пленился ясным умом и обаянием личности наставника. Это сыграло решающую роль при назначении киевского профессора в 1880 г. товарищем министра финансов, а в 1881 г. – министром финансов, несмотря на поражение либеральной группировки М.Т. Лорис-Меликова, к которой он был близок. Александр III уважал бывшего наставника, считая его «превосходным, благородным, без задних мыслей человеком»²⁵.

С осени 1886 г. Н.Х. Бунге, выполняя просьбу Александра III, начал занятия по экономическим дисциплинам с цесаревичем Николаем Александровичем. Он основательно переработал и дополнил свой лекционный курс. Каждая из его трех частей предназначалась для одного семестра: 1) история политической экономии (1886–1887); 2) экономическая политика (1887–1888); 3) чтения о финансах (1888–1889). По поручению Н.Х. Бунге вице-директор Департамента окладных сборов В.И. Ковалевский составил для занятий краткие очерки, карты, графики и таблицы, отражающие состояние сельского хозяйства и положение крестьянства. За

---

²³ Степанов В.Л. Н.Х. Бунге. Судьба реформатора. М.: РОССПЭН, 1998. С. 15.

²⁴ Бунге Н.Х. Гармония хозяйственных отношений. М., 1891. С. 2, 6.

²⁵ Половцов А.А. Дневник Государственного секретаря. М., 2005. Т. 1. С. 502.

годы занятий наставник завоевал симпатию и уважение своего ученика. Между ними установились теплые и доверительные отношения. Н.Х. Бунге стремился убедить наследника в необходимости политики реформ и заботы о «низших» сословиях. Он ставил ему в пример германского канцлера Отто фон Бисмарка, который сумел понять, что «успешная борьба с социализмом возможна лишь на поприще практическом»²⁶. Влияние Н.Х. Бунге на цесаревича проявилось и в других вопросах государственной политики. Когда в 1893 г. он выступил против проекта Министерства внутренних дел о фактическом запрещении выхода крестьян из общины и неотчуждаемости их наделных земель, то наследник сочувственно отнесся к его позиции.

В 1887–1895 гг. Н.Х. Бунге занимал должность председателя Комитета министров. После смерти Александра III «Н.Х. Бунге возлагал, по-видимому, особые надежды на новое царствование в смысле изменения в направлении внутренней политики, – вспоминал Н.Н. Покровский. – Выражая нам свою печаль по поводу кончины императора Александра III, он прибавил тут же, что падать духом не следует, что надо, напротив, надеяться на новое царствование, открывающее и новую эру государственной жизни. Он, несомненно, имел в виду возможность и своего более непосредственного влияния на дела управления»²⁷. 3 июня 1895 г. Н.Х. Бунге скончался. Николай II с горечью воспринял эту утрату. «Узнал чрезвычайно грустную весть о скоропостижной смерти бедного Н.Х. Бунге, – записал он в дневник вечером того же дня. – Еще одним верным и опытным советником стало у меня меньше. Кончина его ставит меня в очень трудное положение!» При разборе архива Н.Х. Бунге были обнаружены его «Загробные заметки». Николай II внимательно ознакомился с завещанием своего наставника. По высочайшему распоряжению записка была размножена типографским способом в нескольких десятках экземпляров и роздана для ознакомления великим князьям, министрам и членам Государственного совета. Идеи Н.Х. Бунге оказали определенное влияние на правительственную политику конца XIX – начала XX в. и в особой степени – на реформаторскую деятельность С.Ю. Витте и П.А. Столыпина.

В 1876 г. вышла двухтомная монография князя А.И. Васильчикова (отца главноуправляющего землеустройством и земледелием в 1906–1908 гг. Б.А. Васильчикова) «Землевладение и земледелие в России и других европейских государствах», в которой были изложены теория и основные принципы переселения и колонизации в пореформенной России. Путем сравнительного изучения А.И. Васильчиков установил различия между миграционными процессами в России и на Западе. По его мнению, непременным условием успешного заселения и освоения окраин должна была стать частная собственность переселенцев на землю. Он считал, что ни в коем случае нельзя допускать бесплатной передачи казенной земли переселенцам, так как «бесплатный земельный надел как крупных, так и мелких собственников имеет на них самих и на народное хозяйство такое же зловерное действие, как и всякое даровое подаяние, поощряя тунеядство и низкопоклонение»²⁸.

Лучшей системой колонизации А.И. Васильчиков считал американскую, с продажей земли в частную собственность колонистам. При этом земли должны были продаваться не целыми имениями, а подворными участками по 15 десятин на один переселенческий двор. Можно было допускать продажу в одни руки двух-трех участков, но не больше, с прогрессивным повышением цен на добавочные наделы. В сравнительно населенных местах землю можно было продать с торгов, в малонаселенных – по «твердой цене» (3–4 руб. за дес.). При такой системе продажи, по мнению А.И. Васильчикова, в Сибири установился бы порядок, как в

²⁶ ГАРФ. Ф. 583. Оп. 1. Д. 47. Л. 5; Степанов В.Л. Самодержец на распутье: Николай II между К.П. Победоносцевым и Н.Х. Бунге // Власть, общество и реформы в России в XIX в. – начале XX в.: исследования, историография, источники. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 145–168.

²⁷ Воспоминания Н.Н. Покровского о Комитете министров в 90-е гг. XIX в. // Исторический архив. 2002. № 2. С. 186–187.

²⁸ Васильчиков А.И. Землевладение и земледелие в России и других европейских государствах. СПб., 1876. Т. 2. С. 924.

США: по прошествии нескольких лет на оставшиеся участки (худшие земли, которые оставались за казной) с продажной цены делалась скидка. После чего их могли приобрести и «бедные земледельцы». Он считал, что только на основе этого будет достигнута главная цель колонизации – «водворение переселенцев на собственных хозяйствах, как в Америке... развитие мелкой культуры, хлебопашества и скотоводства»²⁹.

Также А.И. Васильчиков предлагал реорганизовать саму систему переселения. Например, он считал необходимым устроить местные переселенческие конторы или правления для оказания помощи крестьянам в переселении и водворении, обмежевать и снять на планы колонизационный земельный фонд, создать кредитное учреждение, которое должно было выполнять две главные операции: закупать земли у крупных собственников для продажи их «мелким владельцам – хлебопашцам» и помогать переселенцам «посредством ссуд и авансов»³⁰. Многие из предложений князя А.И. Васильчикова было претворено в жизнь П.А. Столыпиным. В частности, в сибирских губерниях и областях функционировали местные переселенческие управления; в широких масштабах производилась заготовка переселенческого фонда; разрабатывалась гибкая система переселенческих ссуд; предпринималась попытка распространить на Сибирь действия Крестьянского поземельного банка, который должен был заняться продажей земельных участков крестьянам, и, кроме того, возник (так и не реализовавшийся) проект создания специализированного Государственного сельскохозяйственного банка. Сам же П.А. Столыпин был сторонником продажи переселенцам только лучших земель, которые располагались в наиболее заселенных районах Сибири, совершенно справедливо полагая, что привлечь в малодоступные и малозаселенные местности Азиатской России путем продажи там участков (пусть и за небольшую плату) совершенно невозможно из-за бедности крестьянского населения и больших издержек переселения и водворения на новом месте.

Большую роль в теоретической разработке столыпинского аграрного курса сыграл дядя П.А. Столыпина – Д.А. Столыпин (1818–1893), исследователь, публицист-аграрник, также один из поклонников Адама Смита³¹. На протяжении жизни он был увлечен проблемами реорганизации сельского хозяйства, устройства сельского быта, стал автором многих серьезных работ о путях совершенствования земледелия, опубликованных в России и зарубежье, которые, видимо, не оставили равнодушными и его племянников – Петра и Александра Столыпиных.

Д.А. Столыпин был по материнской линии внуком графа Н.С. Мордвинова и в детские годы воспитывался в его доме, получив солидное по тому времени домашнее образование. Поклонник английского быта, Н.С. Мордвинов ратовал за политическую свободу, но думал утвердить ее в России путем создания богатой аристократии, при помощи раздачи дворянам казенных имений и путем предоставления этой аристократии политических прав. Ученик Адама Смита в политической экономии, он видел возможность серьезного улучшения экономического положения России лишь в том случае, если правительство, отказавшись от чисто фискального отношения к платежным силам народа, придет на помощь промышленности путем устройства дешевого кредита и других подобных мер и вместе с тем обеспечит законность управления и личные права каждого гражданина. В то же время, однако, Н.С. Мордвинов горячо отстаивал неприкосновенность всякой, даже самой возмутительной мелочи крепостного права, доходя до защиты права продажи крепостных без земли и в одиночку. Единственно возможным путем уничтожения крепостного права ему представлялся выкуп крестьянами личной свободы, но не земли, по определенным в законе ценам, размер которых в его проекте был страшно высок, доходя до 2 000 руб. за взрослого работника. Об этом он

---

²⁹ Там же. С. 993.

³⁰ Там же.

³¹ Голосенко И.А. Петр Столыпин и социология Огюста Конта // Вестник РАН. Т. 65. 1995. № 12. С. 194.

писал в записке императору Александру I в 1818 г. Такое соединение в одном лице либерала на английский лад и русского крепостника доставило Н.С. Мордвинову широкую популярность в обществе. В то самое время, как он тормозил движение крестьянского вопроса в высших сферах и тем приобретал расположение широких кругов дворянства, общий оппозиционный тон его программы привлекал к нему симпатии и более передовой и сознательной части общества благодаря господствовавшему среди нее увлечению политическими вопросами. В 1806 г. Н.С. Мордвинов писал в Лондон Самуэлю Бенхаму: «Я желаю поселиться в Англии и поселясь там – быть знакомым с вашим братом (Иеремией – знаменитым философом. – *Прим. авт.*). В моих глазах он есть один из четырех гениев, которые сделали и сделают всего больше для счастья человечества – Бакон, Ньютон, Смит и Бенхам: каждый – основатель новой науки, каждый – творец»³².

Многие из позднейших декабристов были близки с Н.С. Мордвиновым и относились к его деятельности с уважением; К.Ф. Рылеев воспел его в своем стихотворении «Гражданское мужество»; даже наиболее последовательный и энергичный сторонник крестьян Н.И. Тургенев, расходясь с Н.С. Мордвиновым во взглядах на данный вопрос, находился в близких личных отношениях с ним и рассчитывал, что если правительство твердо решится уничтожить крепостное право, то Н.С. Мордвинов не будет мешать этому; в мечтаниях декабристов о составлении временного правительства после переворота наряду с именем М.М. Сперанского упоминалось и имя Н.С. Мордвинова. События, последовавшие за воцарением Николая I и обратившие Н.С. Мордвинова в одного из судей над декабристами, повлияли на изменение его воззрений, сделав из него сторонника status quo и в политических вопросах, что, однако, не доставило ему заметного влияния в новое царствование³³.

Позднее Д.А. Столыпин перешел под покровительство своего дяди – А.А. Столыпина, героя Бородинской битвы, богатого саратовского помещика и друга известного социального прожектера эпохи Александра I – М.М. Сперанского. В соответствии с фамильной традицией, юноша решил посвятить себя военной службе и, закончив в 1839 г. юнкерскую школу, поступил офицером в престижный Конногвардейский полк. Однако удачно начатая карьера вскоре была прервана по двум обстоятельствам. Во-первых, его независимый характер часто вступал в противоречие с рутинной и строгостями, диктуемыми военной дисциплиной; во-вторых, в нем росло убеждение, что постоянная или длительная военная служба, совершенно необходимая для защиты Родины во время войны, в мирные годы нецелесообразна. Добровольно уйдя в отставку, он вместе со своим старшим братом Алексеем, другом М.Ю. Лермонтова, отправился на Кавказ. Там он близко сошелся с поэтом, с которым братьев связывали родственные отношения – бабушка Лермонтова – Е.А. Арсеньева была родной сестрой их отца.

Отслужив службу, Д.А. Столыпин с головой ушел в хозяйственные дела. Еще в 1840-е гг., посетив полученное в наследство имение в Пензенской губернии, он был изумлен бедностью крестьян. Отказавшись от некоторых своих доходов в их пользу, Д.А. Столыпин, кроме того, безвозмездно передал им часть своей земли. Через некоторое время он убедился, что это полумера, и стал внимательно присматриваться к попыткам соседей изменить ситуацию к лучшему: один помещик отдал всю свою землю крестьянам, но из-за избыточно и постоянно растущего населения деревни это не принесло им благосостояния; другой – купил пустующие земли и затеял переезд, тяжело сказавшийся на переселенцах.

Погрузившись в семейные хозяйственные расчеты, составленные предками, Д.А. Столыпин обнаружил устойчивую тенденцию падения урожаев за несколько десятилетий, ибо «наш знаменитый чернозем начал во многих местах сильно выпаживаться». Крымская война на время прервала его занятия. Он вступил в Александровский гусарский полк и за храбрость

³² Исследования и статьи по эпохе Александра I. Очерки литературы и общественности. Петроград: Огни, 1917. Т. 2. С. 38.

³³ Иконников В.С. Граф Н.С. Мордвинов. СПб., 1873. С. 220–243.

в боях был награжден золотым оружием. После окончания войны вышел в отставку и вскоре уехал за границу. Здесь (в основном в Женеве и в Париже) Д.А. Столыпин провел несколько лет, пытаясь заполнить пробелы в своем образовании. Вернувшись на родину, Д.А. Столыпин усиленно занялся научно-публицистической деятельностью, а также реорганизацией сельскохозяйственного производства и быта в своих обширных имениях, разбросанных по многим губерниям. Освобождение крестьян от крепостной зависимости приветствовал с энтузиазмом как новую «историческую эпоху в России». В 1863–1893 гг. написал множество статей и брошюр, которые часто объединялись в целые тома: «Сельскохозяйственные очерки» (М., 1889), «Научные очерки. Наш сельский вопрос» (М., 1890), «Учение О. Конта. Начало социологии по вопросу об организации земельной собственности и пользования землей» (М., 1891) и др.

В реальной аграрной жизни им были обнаружены две системы землепользования – относительно малочисленные хутора (Финляндия, Прибалтийский край, юг России и Сибири) и общинное землепользование, охватывавшее основную массу крестьянства. Д.А. Столыпин обратил внимание на то, что еще в 1830–1840-е гг. в южных губерниях (Таврической, Екатеринославской и др.) после упразднения нескольких тысяч хуторов на казенных землях крестьян принудительно сводили в одну деревню, построенную по определенному плану, родившемуся в канцелярии. Делалось это ради удобства сбора податей, которые обеспечивались круговой порукой общины. При этом вполне в духе императора Николая I составлялись огромные деревни до 6 тыс. душ, без учета цифровых показателей «нормальной» сельскохозяйственной единицы. Старожилы, испытавшие на себе этот бюрократический эксперимент, со слезами на глазах рассказывали Д.А. Столыпину о своей былой (дореформенной) жизни.

Своеобразную идейную поддержку Д.А. Столыпин нашел в выводах известного социолога-органиста П. Лилиенфельда, бывшего одно время губернатором Курляндии, который отмечал большую производительность местных арендных хуторов в сравнении с крупными собственниками. Постепенно подводился итог многолетним наблюдениям: «В земледелии нормальное хозяйство – подворное, личное, это естественное явление». Далее было предпринято дотошное сравнение материальных, культурно-хозяйственных выгод и, как бы мы сейчас сказали, экологических последствий двух систем землепользования. Предпочтение явно отдавалось хуторскому хозяйству. Его владелец может внедрять всяческие хозяйственные улучшения и поднимать культуру почвы без опасения, что выгодами от них воспользуется тот, к кому при общинном переделе перешел бы этот участок земли. Чересполосица приводила к хищнической эксплуатации полученного на время надела без восстановления его плодородия, к тому же он располагался далеко от дома и скотного двора. Перевозка навоза, орудий труда и урожая отнимала неоправданно много времени. Самые элементарные подсчеты нерациональных трат, утверждал Д.А. Столыпин, просто пугали. С такими потерями процветания не достичь даже при хороших урожаях в течение нескольких лет подряд, что само по себе случалось редко. Кроме того, в общине совершается процесс опасной нивелировки, «уничтожение самостоятельности и инициативы личности», психология уравниловки гасит желание рисковать и искать новое. А круговая порука, которая обеспечивала фискальные повинности всех, тяжким бременем ложилась на более дисциплинированных и состоятельных членов общины, уменьшая тем самым ее богатство.

Д.А. Столыпин был также последователем немецкого экономиста, представителя немецкой географической школы в экономической науке, одного из предшественников маржинализма И. Тюнена (создателя «модели изолированного государства»). Его теория состояла в том, что государство представляет собой изолированную хозяйственную область в виде круга с почвой одинакового плодородия, в центре круга находится город, являющийся единственным рынком сбыта для продукции. Различные отрасли сельского хозяйства будут располагаться вокруг центра в виде колец. Расположение производств обусловлено стремлением каждого производителя максимизировать прибыль, технологиями производства и транспортировки, объемом

и номенклатурой спроса на продукцию. Определенное влияние на Д.А. Столыпина оказал и немецкий ученый, врач, аграрий, почвовед, основоположник сельскохозяйственной науки в Германии Д.А. Тэер, который считал естественный путь развития сельского хозяйства обязательным условием для всей агрономической науки. Он был автором «теории перегноя», или «теории гумуса», считая его важнейшим питательным веществом для растений, что вызвало бурную полемику с химиком Ю. Либихом, считавшим, что Д.А. Тэер недооценивал роль минеральных веществ в питании растений. Д.А. Тэер одним из первых классифицировал почвы Западной Европы по механическому составу, содержанию гумуса и извести, он развивал теоретические и практические знания о плодосеменном хозяйстве. С позиций «теории гумуса» Д.А. Тэер обосновывал необходимость травосеяния, плодосеменных севооборотов и улучшенного ухода за пропашными культурами, содействовал внедрению в севооборот такой новой для Европы агрокультуры, как картофель. Он был автором научных методов определения степени истощения почв различными агрокультурами, так называемой «хозяйственной статистики», которая помогала грамотному составлению севооборотов, изучал вопросы механизации сельского хозяйства, зоотехники. Д.А. Тэер был автором классических трудов о тонкорунном овцеводстве и о шерстоведении, разработал сравнительную характеристику кормов для питания животных (ввел термины «шкала кормов» и «сенной эквивалент»). Работал над задачами экономики сельского хозяйства. Его идеи были изложены в 4-томном труде «Основы рационального сельского хозяйства», переведенном на многие европейские языки, в том числе и русский, и выдержавшем много изданий.

Исходя из этих теорий Д.А. Столыпин делил земледельцев на хозяев и рабочих (на таких основаниях были освобождены крестьяне прибалтийских губерний). При этом он признавал, что «такое деление неминуемо ведет к порождению пролетариата», что является прямым следствием введения хуторской системы. Вместе с тем Д.А. Столыпин пытался доказать, что община также не спасает от обезземеливания крестьян, кроме тех случаев, когда община еще при жизни родителей отдает часть их земли детям или последние выгоняют своих родителей со двора. По его мнению, при подворном владении это было невозможно. Основываясь на утверждениях Адама Смита, Д.А. Столыпин был сторонником так называемого «нормального развития», то есть перехода от малого к большому производству. Так, в частности, Адам Смит приводил в качестве примера Шотландию, где в определенный период было много мелких фермерских хозяйств, большая часть из которых, постепенно разорилась и их земли были скуплены более удачливыми соседями. Таким образом, вместо множества мелких хозяйств образовалось относительно небольшое количество крупных. То же самое, считал Д.А. Столыпин, можно было применить и к России. В качестве примера он приводит отрывок из отзыва управляющего Курляндской казенной палатой Горна: три крестьянина получают три равных участка земли. Постепенно «владение трех лиц будет сосредоточено в руках одного из них, более способного и опытного в ведении хозяйства», который сможет стать зажиточным хозяином и «платить хорошо за работу своим обоим товарищам»³⁴. Этот закон Д.А. Столыпин считал непреложным, и его несоблюдение могло иметь «гибельные последствия». «Бояться безземельных батраков нечего, – цитировал Д.А. Столыпин одно из пришедших к нему писем, – они привыкнут к отхожим промыслам или кустарному производству, как в северных наших губерниях, где постоянный неурожай» и никто его не боится. Для этого необходимо было изменение паспортной системы, чтобы разорившиеся фермеры-собственники могли переезжать в более благополучные регионы³⁵. Согласно Д.А. Столыпину, община не только не спасала крестьянство от пролетаризации, но и порождала другое явление – «голодный общий пауперизм», кото-

³⁴ Столыпин Д.А. Очерки философии и науки (Наш земельный кризис). М.: Тип. А. Гатцука, 1891. С. 66.

³⁵ Столыпин Д. Об устройстве арендных хуторов на владельческих землях и крестьянском хозяйстве вообще (Из сельскохозяйственной практики). М.: Тип. А. Гатцука, 1892. С. 15–20.

рый был намного страшнее первого. Пауперизм существовал в таких странах, как Ирландия, где земледелец был наполовину или на четверть хозяином своего участка («не то хозяин, не то рабочий»). Поэтому в Ирландии того периода настоящим рабочим не было места, так как сами «хозяева» питались одним картофелем и умирали с голоду³⁶.

Категорически отрицая, что крестьянская поземельная община является самобытной формой крестьянского землевладения, Д.А. Столыпин утверждал, что Древняя Русь держалась «на самостоятельных семьях». Поэтому община «есть прямой плод внешнего ошибочного действия». Не признавал Д.А. Столыпин и этическую составляющую общины, которая основывалась «на равенстве людей», так как, по его мнению, общинные порядки приводили к разорению населения³⁷. Ошибкой считал Д.А. Столыпин признанием Редакционной комиссией при выработке проекта отмены крепостного права «за точку отправления своих трудов... не личную мелкую крестьянскую собственность», а собственность «крепостной общины». Все это в конечном итоге привело к установлению выкупных платежей, для выплаты которых крестьянам пришлось закладывать свои участки. Д.А. Столыпин полагал, что только когда «земля свободна, то есть доступна каждому по его состоянию и способностям», можно добиться «общего народного благосостояния»³⁸.

Д.А. Столыпин также считал, что «самоуправление и община несовместны» и что только в тех обществах, где было создано подворное владение, «самоуправление оказалось благотворительным учреждением». Поддержание же общины, по его мнению, требовало «суровых мер», без которых она просто разваливалась. «Дарование неподходящего самоуправления общинам (в 1861 г. – *Прим. авт.*), – писал он, – принесло много вреда народу». В качестве примера Д.А. Столыпин привел случай из истории одной крестьянской общины в Новороссии, где после предоставления крестьянам свободы вдруг исчезло шоссе. Впоследствии оказалось, что это произошло после «снятия суровой опеки», когда власти перестали заставлять крестьян поддерживать его в рабочем состоянии. После шоссе стали исчезать огромные общественные плодовые сады, посадка которых по распоряжению окружных начальников стоила местному населению «много слез и даже крови». После упразднения института окружных начальников данные сады были заброшены. В результате из «больших производств» сохранились лишь казенные учреждения: почта, телеграф, железные дороги³⁹.

Для падения крестьянской общины, по мнению Д.А. Столыпина, необходимо было немного – отмена 165-й ст. о личном выкупе и круговой поруки. Почему же она так долго существует? Для ответа на этот вопрос Д.А. Столыпин приводил утверждение французского философа и публициста Ж. Сореля, что крестьянская община держится за счет исторической инерции, которая «сопротивляется введению устойчивых подлежащих форм». Тем более что никаких особых юридических препятствий даже в действовавшем на тот момент законодательстве для выхода крестьян из общины не существовало. Так, и без отмены 165-й статьи, после завершения процедуры выкупа, можно было выйти из общины и укрепить землю в частную собственность. Поэтому для того, чтобы разрушить крестьянскую общину в России, необходимо было пропагандировать индивидуализм, то есть, согласно Д.А. Столыпину «перейти от стадного, бесформенного состояния... к признанию прав личности»⁴⁰.

Таким образом, Д.А. Столыпин, опираясь на исторический анализ вопроса, полагал, что считать общину сугубо национальной чертой «русской самобытности» – заблуждение, свойственное и некоторым консерваторам, и радикалам. Разница лишь в том, что первые, «пане-

³⁶ Столыпин Д. Несколько слов о политических и общественных формах (Наша община). М.: Тип. В.А. Гатцука, 1893. С. 8.

³⁷ Столыпин Д.А. Положение 19-го февраля об освобождении крестьян. М.: Тип. А. Гатцука, 1890. С. 5–10.

³⁸ Столыпин Д.А. Очерки философии и науки (Наш земельный кризис)... С. 65.

³⁹ Столыпин Д. О несовместимости общинной формы с нормальным сельским самоуправлением. М.: Тип. В.А. Гатцука, 1893. С. 5–8.

⁴⁰ Столыпин Д. К вопросу философии права. М.: Тип. В.А. Гатцук (Д. Чернышевского), 1893. С. 6.

гиристы общины», видели в ней оплот против нигилистов, а вторые, с легкой руки А.И. Герцена, – эмбрионы социализма. Опираясь на исторические изыскания других отечественных позитивистов (М.М. Ковалевского, Н.И. Кареева), Д.А. Столыпин пришел к выводу, что общинное пользование землей – явление мирового порядка, в разное время многие народы прибегали к такой доиндустриальной организации сельского хозяйства.

Собрав материалы за 20 лет исследования, Д.А. Столыпин написал обзор «Наш земледельческий кризис» (М., 1891), в котором доказывал, что падение производительности труда, малоземелье, низкая культура полей, плохая оплата вложенного в них труда, бедность крестьян и их классовая злоба во многом проистекают из отсталого общинного землепользования. Пребывая в таком плачевном состоянии, сельское хозяйство будет еще более отставать от роста промышленности и не удовлетворять город – главный потребитель продукции. Капиталистический процесс – реальность, с которой нельзя не считаться и которой требуется иное, более эффективное землепользование. После появления в середине 90-х гг. работ легальных марксистов (П.Б. Струве, М.И. Туган-Барановского и др.) такая точка зрения стала расхожей, но напомним, что Д.А. Столыпин начал высказывать свои взгляды еще в конце 60-х гг., «когда они имели все признаки новизны и оригинальности».

Какое же землепользование отвечало, по Д.А. Столыпину, правильному пути? Его мнение категорично – только «хуторская система», и все же он решил подкрепить личные наблюдения объективной научной информацией. Его решительно не устраивало, что статистические данные последних десятилетий о бытовом положении крестьян в стране касались только общины. Как в физиологии начинают с изучения здоровых, а не больных тел, в живописи – с изображения прекрасных, а не уродливых предметов, так социолог, считал Д.А. Столыпин, должен начать с хуторского землепользования, которое кое-где еще осталось в России. Через Московское общество сельского хозяйства, где он нашел идейных союзников и какое-то время являлся председателем Хуторского отделения, были организованы опросы и сбор статистических данных о переселениях и хуторах в западных и южных губерниях. Специальные анкеты распространялись и собирались руководителями сельскохозяйственных обществ, земскими статистиками, уездным начальством, волостными старшинами, священниками, врачами и учителями сельских школ. Кроме того, разнообразные сведения черпались из местной прессы различных губерний. Подобный вид социологической работы поддержало Вольное экономическое общество, которое накопило много достоверных фактов о разложении общины. На основании полученных материалов Д.А. Столыпин делал доклады и выступал в печати – московской и местной земской. Результаты исследования были сгруппированы в два больших тома. Выводы опросов совпали с его собственными – «личное хуторское владение эффективнее общинного». Впрочем, опросы выявили существенные региональные отличия первого типа землепользования и кое-какие недостатки, которые, по мнению Д.А. Столыпина, необходимо было учесть при надвигающейся реформе. Главный из них – дробление земли хутора по наследству при наличии нескольких детей. Он предлагал ввести законодательный минимум для деления земли. Кстати, западные фермеры избегали этой опасности проще – старший сын по желанию получал всю землю, а младшим за уступаемую долю он давал деньги.

Но то, что казалось верным самому Д.А. Столыпину и его единомышленникам по Московскому обществу сельского хозяйства, не встречало понимания среди землевладельцев – помещиков и общинников. В этих условиях Д.А. Столыпин решил прибегнуть к последнему из еще не использованных им методов – к эксперименту, надеясь при удаче усилить свои доводы в пользу хуторской системы наглядными и убедительными примерами. С начала 1880-х гг. до конца жизни он экспериментировал в своих усадьбах и поместьях родственников (в частности, в Тарханах, «малой родине» М.Ю. Лермонтова), создавал арендные хозяйства как форму вольнонаемного труда на помещичьих землях, с правом арендатора на выкуп участка, если через несколько лет его хозяйство будет процветать. Разумеется, Д.А. Столыпин не был пио-

нером, аренда существовала и раньше. Но он внес одно очень важное уточнение. Когда в конце 60-х гг. XIX в. в ряде южных губерний кое-кто из помещиков стал сдавать усадьбы в аренду, выяснилось, что временные владельцы хищнически относились к земле, лесу и постройкам. Настоящий владелец после нескольких лет аренды нередко получал окончательно разоренную и ограбленную усадьбу, где даже хозяйственные постройки были растащены на топливо. Как показали исследования, так случалось, когда аренда бралась в интересах накопления торгового капитала. Учтя это, Д.А. Столыпин в качестве главного условия аренды выдвинул требование обязательного «хозяйствования на земле». Он долго обдумывал условия эксперимента: оптимальные размеры арендного участка земли, круговое размещение пашен, покосов и пастбищ, тип жилища для хозяина, формы построек для скота и инвентаря, место для колодца, сада, огорода. Типовой проект стоил около 500 руб. Все это излагалось в ряде брошюр, к которым прилагались формы контрактов на аренду хуторов. Начался эксперимент в Таврии, в столыпинском имении близ Мелитополя, где были построены 16 хуторов, на 60 дес. земли каждый (среднестатистический общинник в Центральной России имел меньшее количество земли). Позднее эксперимент был перенесен в имения Саратовской и других губерний. На первых порах крестьяне встретили слухи о предложениях барина настороженно – они издавна относились к предложениям подобного рода, как бы сравнивая, по словам некоторых исследователей, «перчатку с рукавицей»: у частного владельца отдельный «чуланчик» для каждого пальца, а в общинной рукавице они все вместе и в мороз не зябнут, греют друг друга.

Патриархальная вера в то, что наступит время и по распоряжению верховной власти вся земля будет передана в руки крестьян, обнаруживалась любым беспристрастным исследователем деревни. Но вид удобных домов, преимущества компактного расположения полей и угодий, благоприятные условия аренды сделали свое дело. Будущие арендаторы выстроились в очередь, с каждым после собеседования и отбора заключался контракт на шесть лет. Арендатор должен был внести треть паевого взноса, остальная часть давалась ему в кредит на несколько лет. Постепенно образовался устойчивый спрос на аренду, который в ходе многолетних экспериментов постоянно увеличивался, хотя первоначальный денежный пай из-за роста цен на землю становился все больше. Крестьянина это уже не пугало.

В условия договора включался штраф за неразрешенную управляющим рубку фруктовых деревьев и ягодных кустов. Управляющий оплачивал государственные налоги на землю и не вмешивался в производственный процесс, помогая по необходимости специальной литературой, собранной в библиотеке имения. Первый год отводился на нужды собственного подворья, а с получением доходов начиналась оплата кредита. Многие хуторяне увеличивали размеры арендованной земли, нанимая на лето сезонных рабочих (с оплатой выше средних доходов крестьян Центральной России). Вскоре хуторяне смогли покупать косильные машины, катки для молотбы, плуги разных видов (общинник пользовался обычно сохой и цепью). В их домах появились личные сельскохозяйственные библиотечки. Таким культурным арендаторам, крепко вставшим на ноги, Д.А. Столыпин предлагал продавать землю. По его расчетам, это принесло бы ее старым хозяевам большую прибыль и, кроме того, способствовало бы созданию «нового крепкого сельского класса союзников дворянских усадеб».

Интересно, что большую часть арендаторов составляли русские, меньшую – украинцы и только один был из немцев. Предполагаемый эффект подобного выбора, как установили неоднократные проверочные комиссии из Московского общества сельского хозяйства и Харьковского земледельческого училища, внимательно следившие за ходом эксперимента, полностью оправдался. Результаты проверок печатались в специальной прессе. Вот в общих чертах оценка итогов десятилетнего эксперимента в Таврии: на первых порах арендное хозяйство немца вырвалось вперед и быстро стало эффективным, более или менее зажиточно жили и упорно трудились украинцы, менее богатыми и более разболтанными были хозяйства русских. Вначале у немца сложились с соседями напряженные отношения, но постепенно все нормали-

зовалось, и его «прикладные» уроки охотно перенимались: черный пар, химическое удобрение полей, новые машины, посадка специфических трав на выпасе и т. п. Уже через несколько лет контролеры зафиксировали добротные постройки, обилие фруктовых деревьев, множество сельскохозяйственных машин на подворьях, правильный севооборот и травосеяние и, что особенно ценно, предприимчивую кооперативную деятельность по кредиту, хранению и сбыту продукции, ремонту техники. Почти все крестьяне стали арендовать дополнительную землю (и не малую), которая примыкала к их старому участку, хотя только за пять лет эксперимента цены на нее удвоились, а то и утроились. Редкий арендатор не имел нескольких рабочих лошадей и нескольких (как правило, породистых) коров.

Несмотря на дифференциацию по доходам среди арендаторов, по мнению одной комиссии, «даже беднейшие из хуторян производят впечатление такого достатка и довольства, которое не случалось еще видеть у наших общинников, оно напоминает невольню соседние немецкие колонии». Высокая продуктивность хуторского землепользования достигалась за счет более полноценной организации работы. Росли производительность труда и доходы, люди меньше уставали, отбросив неэкономные перемещения и пустое времяпрепровождение. Напрашивался законный вывод: «произведенные опыты показывают, насколько русские крестьяне способны к развитию своего хозяйства, когда они поставлены в более нормальные условия».

Сходная картина наблюдалась и в других имениях Д.А. Столыпина, хотя были различия в деталях, связанных с неодинаковыми климатическими и почвенными условиями. Как относились «братья по классу» к этим опытам? Подавляющая часть помещиков боялась сдавать крестьянам землю в аренду, полагая, что после нескольких лет работы на ней те начнут считать ее собственностью, ибо вера в «черный передел» в крестьянской душе обладала силой инстинкта.

В начале XX в., спустя годы после смерти Д.А. Столыпина, целый ряд съездов Объединенного дворянства в Саратове, Москве, Санкт-Петербурге ставил вопрос о разрушении общинного землевладения, но не по экономическим, а по политическим соображениям. Как иронично заметил М.М. Ковалевский, этими людьми владела «фантастическая идея» считать общину «рассадником социалистических бацилл», лекарство против которых они видели только в личной собственности. До этого Д.А. Столыпин вспоминал только один случай, когда некий городской промышленник, купивший соседское разоренное имение, узнал об арендном опыте и приехал лично – все внимательно рассмотрел, взвесил, вернувшись домой, сделал расчеты и, создав 19 хуторов на своей земле, приступил к похожему эксперименту. Он блестяще удался, и имение впервые за долгие годы стало приносить доходы.

Помимо хуторского и отрубного землепользования как самого справедливого средства решения аграрного вопроса в России, Д.А. Столыпин особое внимание уделял развитию передовой земледельческой промышленности и оттоку явно избыточной части населения Центральной России за Урал, в Сибирь и Казахстан. Еще в 1869 г. он правильно подчеркивал, что такой процесс идет уже давно, но в хаотичной, стихийной форме и его надо организовать: расчистить свободные земли, дать ссуду переселенцам, освободить их первое время от налогов, помочь в переезде и на новом месте. Эти акции должны быть частью социальной политики государства. Она себя оправдывает, ибо находят силы оторваться от привычных корней, как правило, сильные, инициативные и предприимчивые люди. Если их поддержать, то выиграет и страна в целом. На этом основании он горячо приветствовал создание в 1883 г. Государственного крестьянского банка.

Д.А. Столыпин написал ряд брошюр о высшей школе, соотношении общего и специального сельского обучения, классического и реалистического образования. Этим же вопросам посвящена третья книга его обширных «Очерков философии и науки» (СПб., 1892). Центральные положения его рассуждений таковы: образование в крестьянской среде должно быть ориентировано на положительные сдвиги в деревне, доказательства преимуществ совре-

менной агрокультуры и хуторского землепользования. Следующий пункт его предложений носил несколько курьезный и пристрастный характер. Он предлагал подвергнуть самой суровой критике способы преподавания и содержание учебных курсов по политической экономии, которая напоминала ему скорее «ретроградную метафизику», чем науку, имеющую дело с практическими вопросами. Политическая экономия, утверждал Д.А. Столыпин, исходит из «вербальных призывов свободы, равенства и солидарности», а должна исходить из естественных законов развития производства, которые постоянно указывают вектор социальной динамики: переход «от слабого к более сильному хозяйству». Попытка искусственно сохранить слабые хозяйства означает самоубийство социального организма. Нечто подобное происходит при консервации общины. Социологу это очевидно, поэтому он предлагал создать в университетах России кафедры истории и философии науки для изучения современных научных методов и кафедры социологии. Между тем Д.А. Столыпин видел, что русская деревня после 1861 г. не возродилась. Через 30 лет, за два года до его смерти, голод по всей стране унес почти миллион жизней. Эти факты сильно травмировали Д.А. Столыпина. Смерть этого незаурядного русского человека также была необычной. Уже в преклонном возрасте он стал ухаживать за своим еще более старым слугой, который заболел крупозным воспалением легких. Считая, что в комнате больного мало света, Д.А. Столыпин переместил его в свой кабинет. Понимая, что болезнь может быть заразной, он запретил родным посещать себя, пока слуга не поправится. Но вскоре сам заболел и последние несколько дней жизни провел, диктуя очередную и последнюю социологическую статью. Закончив ее – умер. Похоронен Д.А. Столыпин в Новодевичьем монастыре в Москве⁴¹.

Огромное влияние на аграрную реформу П.А. Столыпина имели труды одного из главных идеологов столыпинской аграрной реформы датчанина А.А. Кофода (1855–1948), который приехал в Россию в 1878 г. в 23-летнем возрасте сразу после окончания высшей Королевской сельскохозяйственной школы в г. Копенгагене. Вначале молодой энергичный датчанин поселился в маленькой колонии, организованной его приятелями-датчанами неподалеку от Великих Лук. Позже он в 1880–1886 гг. управлял имением Титово в Калужской губернии (200 км южнее Москвы). Проработав там некоторое время, он получил отличные рекомендации, без которых в то время в России иностранцу было бы непросто сделать карьеру. Овладев русским языком и женившись в 1887 г. на дочери русского помещика, в 1887–1889 гг. служил оценщиком в Обществе взаимного поземельного кредита, с 1889 г. – в Дворянском земельном банке и его отделениях в Самаре, с 1892 г. – в Тифлисе (в этом же году принял русское подданство), а с 1901 г. – в Могилеве. В 1905 г., оставаясь номинально оценщиком Могилевского отделения Дворянского банка, по поручению Земского отдела Министерства внутренних дел выезжал в зарубежную командировку для изучения системы разверстания земель. С ноября 1905 г. стал исправляющим должность чиновника особых поручений при главноуправляющем землеустройством и земледелием (утвержден в этой должности в 1907 г.) и в этом качестве с 1906 г. принимает участие в подготовке, пропаганде и проведении столыпинской аграрной реформы. С февраля 1908 г. А.А. Кофод в должности ревизора землеустройства возглавлял инструкторскую часть Комитета по землеустроительным делам. В 1912 году по ходатайству А.В. Кривошеина был назначен членом этого комитета. Лично укомплектовал штат инструкторов, много ездил по стране, контролируя ход землеустроительных работ в различных регионах. В 1914 г. получил чин статского советника, пожалованный ему за труд по «модернизации» аграрного хозяйства России. С началом Первой мировой войны А.А. Кофод осенью 1914 г. был командирован в занятую русскими войсками Галицию для изучения состояния сельского хозяйства. С созданием Министерства земледелия России стал членом совета при данном министре.

⁴¹ Голосенко И.А. Петр Столыпин и социология Огюста Конта... С. 195–206.

С первых же лет своей жизни в России А.А. Кофод заинтересовался самым насущным вопросом для того времени – разверстанием крестьянских общинных земель. Только с выселением, был убежден А.А. Кофод, в крестьянском земледелии начнется прогресс. Трудность заключалась в том, что крестьяне, относившиеся с подозрением к любым инициативам сверху, должны были убедиться в том, что это новшество – благо для них. Кроме того, разверстание было несовместимо с традиционным общинным землевладением – «община была истинно русским явлением, поэтому она была вне всяких дискуссий, чем-то святым». Считалось, что община «защищает сельское население от пролетаризации». А.А. Кофод детально изучил этот феномен – историю, сильные и слабые стороны, современное (на тот момент) положение дел – и доходчиво рассказал об этом. Однако понадобилось более двадцати лет, чтобы идею о разверстании крестьянских хозяйств в России можно было не только активно обсуждать, но и проводить в жизнь. В начале XX в., перед первой русской революцией резко обострился крестьянский вопрос. «В густонаселенных центральных губерниях, особенно в черноземной полосе, нехватка земли стала острой, и одновременно с этим и в обществе вера в спасительные качества общины становилась менее непоколебимой, чем раньше. Некоторые противники ее смели теперь публично, устно и письменно, выступать против нее». Изучение разверстания общины на хутора и отруба он начал еще в 1900–1905 гг. Решающий аргумент появился у А.А. Кофода тогда, когда он нашел «деревни, разверставшиеся по собственной инициативе крестьян». Найти их, изучить опыт можно было только в результате поездок по стране. А для этого нужны были полномочия, подтвержденные документально (чтобы не объяснять каждому уряднику, что делает датчанин в том или ином селе), и денежные средства. И с тем, и с другим возникало немало проблем. Однажды А.А. Кофоду пришлось даже продать свою мебель и заложить столовое серебро. Он без устали ездил по губерниям, спорил с оппонентами и начальством, организовывал обучение землемеров. А еще ему поручали знакомить с положением дел иностранцев, которые вдруг проявили интерес к аграрной реформе в России. Всего им было обнаружено 947 деревень с 22,2 тыс. дворов, перешедших на хуторское землевладение. Положительный опыт и отдельные недостатки организации хуторов он описал в двухтомном труде⁴². На государственный счет А.А. Кофод устраивал экскурсии для крестьян, сомневающих в нужности разверстания. После таких поездок крестьяне, убедившись в радующей глаз «справности» единоличных хозяйств, часто становились убежденными сторонниками разверстывания.

В 1906–1914 гг. А.А. Кофод много ездил по тем губерниям, где шла реформа (бывал он и в Сибири). Под его руководством за десять лет была разверстана пятая часть крестьянских земель, а книга «Хуторское расселение» была выпущена колоссальным по тем временам полумиллионным тиражом. Свою задачу при разверстании общинных земель А.А. Кофод видел в том, чтобы преодолеть чересполосицу, крайне неудобную для землепользования. Передел принадлежащей деревням земли стремились проводить так, чтобы каждому двору достался компактный, удобный для обработки участок. Важно было, чтобы владельцы переселились туда, что, по его мнению, заметно увеличивало продуктивность хозяйств. Итоги знакомства и ревизии проводимых работ он опубликовал в нескольких книгах и статьях⁴³.

В книге «Хуторское расселение» А.А. Кофод, рекламируя расселение, писал о том, что данная реформа началась за границей давно и что «чем лучше округлены земли отдельных дворов... тем богаче живут крестьяне. Есть такие страны, где лет полтора тому назад народ умирал тысячами и где теперь, благодаря переходу крестьян на хутора, тройное против прежнего народонаселение живет в полном довольствии, не имея посторонних заработков; в таком

⁴² Кофод А.А. Крестьянские хутора на надельной земле: в 2 т. СПб., 1905.

⁴³ Кофод А.А. Хуторское расселение. СПб., 1907; Кофод А.А. Внутреннее землеустройство. СПб., 1909; Кофод А.А. К вопросу о практическом обучении крестьян сельскому хозяйству. СПб., 1912; Кофод А.А. Русское землеустройство. СПб., 1914.

довольствии, что последний сельский батрак живет лучше, чем богатый русский крестьянин». Выгоды хуторского расселения, по его мнению, состояли в следующем: 1) уничтожении чересполосицы и общего выпаса скота; 2) устранении диктата крестьянской общины; 3) избавлении от «деревенской суеты» и приучении «к уединенной жизни среди поля лицом к лицу со своим хозяйством»; 4) развитию уважения к своей и чужой собственности; 5) улучшении приемов хозяйствования. При этом он признавал, что «такая коренная ломка привычек деревни отражается, конечно, на всех сторонах крестьянской жизни». Правда, в основном в положительную сторону. Так, коровы начинают давать вдвое или втрое больше молока. Лошади всегда находятся «в отличном теле». Количество же мелкого скота уменьшается, так как имеется корм для крупного скота, который откармливать выгоднее. Увеличивается и количество пашни, так как под нее разрабатываются «плохие сенокосы и кочковатые пастбища с кустарниками». В результате растет объем зимних кормов. Уменьшается количество пожаров. Сам крестьянин «делается как-будто более сосредоточенным, менее общительным, особенно в первое время, когда ему туго приходится, когда нужно напрягать все силы и средства, чтобы достроить усадьбу, разработать и осушить все вошедшие в его участок необработанные земли... Ему как бы нет дела до того, что творится за пределами его участка. Однако это только временное состояние... В странах, где крестьяне давно уже расселились на хутора, общественная жизнь процветает как нигде»⁴⁴.

Крестьяне, по свидетельству А.А. Кофода, приводили следующие аргументы против хуторского расселения: 1) общая пастьба всего деревенского стада лучше для скота и обходится гораздо дешевле, чем для каждого хозяина в отдельности; 2) у одного хозяина легче выбить градом все посевы, чем при чересполосном распределении земли; 3) хутора выгодны для многоземельных, а для малоземельных они разорительны; 4) на хуторах крестьяне «дичают»: детей в школу не посылают, сами в церковь не ходят, в общественных делах участия не принимают, среди хуторян сильно развивается воровство; 5) хуторского хозяйства надолго не хватит, так как, с одной стороны, будут скупать участки богачи, а с другой – землю придется делить между сыновьями, и все опять пойдет по старому⁴⁵.

А.А. Кофод отвечал на это следующее: 1) при общей пастьбе, пастбище вытаптывается всем стадом, между тем на хуторах каждый хозяин бережно расходует принадлежащий ему подножный корм; 2) при единоличном владении град действительно может легче выбить все посевы, чем при чересполосном, но их можно застраховать и это обойдется дешевле, чем переезды с одной полосы на другую; 3) малоземельным крестьянам в местностях, где шло разверстание и цены на землю поднимались, А.А. Кофод советовал продавать свои участки и переселяться на те территории, где образование хуторов не началось и земля была еще дешевой, поэтому можно было купить больше земли. Бывали случаи, когда крестьяне продавали свой надел, но новой земли не покупали. Идеолог столыпинской аграрной реформы считал, что такие случаи были единичными («Не купит земли разве какой-нибудь крестьянин-ремесленник или другой, давно уже от земли отбившийся»). При этом он признал, что «часть малоземельных все-таки останется малоземельными»; 4) насчет «одичания» крестьян на хуторах А.А. Кофод высказался так: «Зажиточные родители более заботятся об образовании своих детей, чем бедняки, у которых на первом месте мысль о насущном хлебе, на хуторах же почти все хозяева зажиточны». Воровство, по его мнению, наоборот снижалось, так как труднее увести украденную лошадь, когда по полю разбросаны хутора; 5) самого дробления хуторов он не отрицал, подчеркивая, что они делились не на другие (более мелкие) хутора, а на отруба. При

⁴⁴ Кофод А.А. Хуторское расселение... С. 9–11.

⁴⁵ Там же. С. 15.

этом А.А. Кофод считал, что любой зажиточный хозяин мог бы купить своим сыновьям новые хутора, вместо того, чтобы делить старый⁴⁶.

После отречения Николая II в 1917 г. А.А. Кофод перешел на службу в дипломатических и международных гуманитарных организациях. С сентября 1917 г. он служил в Московском отделении Посольства Дании; занимался помощью австро-венгерским военнопленным по линии датского Красного Креста. С этой целью в 1918–1920 гг. А.А. Кофод совершил поездку в Сибирь, после чего возвратился в Данию, сохраняя датское подданство. С 1921 г. он служил атташе по вопросам земледелия в посольствах Дании в лимитрофных прибалтийских государствах. С 1924 по 1931 г. – атташе Посольства Дании в СССР (фактически выехал в Данию в 1930 г.). В 1932 г. дважды ездил в Югославию, где провел в общей сложности 3 месяца, объездив всю страну вместе с датским посланником. В 1933–1935 гг. занимался изучением земельных отношений и историей разверстания в Западной Европе, после чего выпустил монографию на датском языке. Летом 1936 и 1937 гг. ездил в Румынию и Бессарабию, где также ознакомился с аграрной ситуацией. Отмечая некоторые недостатки в работе землеустроительных органов, А.А. Кофод в целом дал им весьма высокую оценку, указав, что они выполнены лучше, чем в Дании и других западных странах. В 1945 г. он опубликовал книгу «50 лет в России», которая в 1987 г. вышла и в нашей стране⁴⁷. Умер в 1948 г.

Огромную роль в разработке идеологии разрушения общины сыграл А.П. Никольский. Родился он в 1851 г. Образование получил на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета. Занимал должности директора Государственного банка и управляющего Государственными сберегательными кассами, получившими при нем новый устав. По его почину был издан Закон 30 мая 1905 г. о включении в число операций сберегательных касс страхования капиталов и доходов. А.П. Никольский был ярким противником крестьянской общины. 9 февраля 1905 г., делая доклад по крестьянскому делу, он сказал следующее: «Относительно общины мы уже пришли к единственно верному решению: устранить искусственные преграды к выходу из общины и меры, насильственно ее закрепляющие, и предоставить все течению самой жизни. Но, если желательно осветить путь, по которому следовало бы идти, то я с полным убеждением скажу, что все надежды, возлагавшиеся в прошлом на общину, являлись плодом идеологии. Действительность дает яркую картину крушения всех этих надежд. Я укажу на мелкий факт: накопление недоимок. Сравнивая подворное владение, например, в Малороссии с общинным землевладением в соседних губерниях, мы видим, что там, где существует владение подворное (хотя и очень плохое), там недоимок сравнительно мало, а в областях с преобладанием общинного землевладения недоимки достигают двух, трех и более годовых окладов платежей. Относить эту разницу к расовому различию нет никаких оснований: великоросс, в равных условиях, всегда постоит за себя и перед малороссом, и перед кем угодно. Затем я укажу на крайне низкую урожайность общинных земель, по сравнению с землями частного владения, хотя и частновладельческое хозяйство у нас не много вкладывает в землю знаний и труда. Крестьяне не прилагают усилий к улучшению земли. В ожидании переделов общинники не вывозят навоз на свои наделы, не имея уверенности, что удобренный надел не достанется другим. Но там, где крестьянин знает, что земля его, там он достигает хороших результатов. На купчих землях крестьяне старательнее удобряют и обрабатывают почву. За 50 лет, истекших после освобождения крестьян, наиболее обнищали и выродились крестьяне-общинники. Перепись 1897 г. показала, что общий прирост населения после 10 ревизии составляет около 50 %. Между тем в губерниях с общинным землевладением население убыло на 12 %. В тех же губерниях самый высокий процент физически негодных лиц призывного возраста. Здесь же и самый большой процент неграмотных. Таким образом, если проверять принципиальные

⁴⁶ Кофод А.А. Хуторское расселение... С. 16–17.

⁴⁷ Кофод А.А. 50 лет в России (1878–1930 гг.). М., 1987.

положения фактами, – трудно защищать общину. Чересполосица в общине больше чересполосицы, наблюдаемой при подворном землевладении, хотя и там она велика и может исчезнуть только при хуторском землевладении. Наконец, что касается чудодейственного свойства общины – предохранять от пролетариата, – то я сошлюсь на исследования моего соседа (М.П. Кашкарова). Оказывается, что в губерниях Орловской, Рязанской и Тульской, где существует община, лиц, не имеющих ни своего хозяйства, ни своей усадьбы, то есть пролетариев в полном смысле этого слова, от 20 % и, кажется, до 30 %. Таким образом, утверждение, будто община предохраняет от пролетариата, – является пустой фразой. Напротив, община есть условие того, что в России через несколько десятков лет не будет ничего, кроме пролетариата»⁴⁸.

В своей книге «Земля, община и труд. Особенности крестьянского правопорядка, их происхождение и значение» (СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1902) А.П. Никольский писал о том, что «требуется не ломка, а требуется, главным образом, снять с Положения 19-го февраля ненормальные наросты, образовавшиеся на них в последующее время, а засим сделать дальнейшие шаги к сближению крестьян с другими сословиями на почве общих гражданских законов и общих учреждений судебных и административных. Эти задачи отнюдь не представляют каких-либо чрезвычайных трудностей, а тем больше не могут возбуждать каких-либо опасностей. Все дело сводится к довольно простым и удобоосуществимым мерам:

1) распространение на крестьянское сословие действия общего гражданского кодекса, с указанным ниже ограничением, необходимым для охраны крестьянского землевладения, причем для некоторых, весьма, впрочем, немногих и наименее значительных, случаев из области гражданских правоотношений можно сохранить силу местных обычаев, при обязательном, однако, условии, что существование обычая должно быть надлежательно удостоверено и доказано в каждом случае, когда на него делается ссылка;

2) «распространение положительного гражданского закона на крестьян было бы для них великою милостью, ибо внесло бы в их гражданский оборот ясность, определенность и устойчивость, а главное – было бы дарованием действительной воли... Неужели же можно опасаться, что это увенчание освободительной реформы 19 февраля 1861 г. вызовет какое-либо расстройство в ходе крестьянской жизни, и тем более – потрясет? Да и теперь крестьяне при каждой возможности, даже у себя в волостном суде, охотно обращаются к общему гражданскому закону взамен обычаев, а главное, несмотря на юридическое обособление их от остального населения, они ведь входят в частые и разнообразные деловые отношения с людьми... Во всяком случае переход наших крестьян к общему гражданскому кодексу гораздо более подготовлен, чем был подготовлен переход польских крестьян, в начале XIX столетия, к совершенно до того чуждому им кодексу Наполеона, который тем не менее вошел в жизнь этих крестьян беспрепятственно и весьма прочно»;

3) распространение на крестьян действия общих судебных учреждений не только по делам уголовным, но и по всем гражданским делам, а также общих административных учреждений. Эта реформа потребует расширения сети судебных учреждений и некоторых перемен в организации местного управления, для чего можно воспользоваться имеющимися органами крестьянского управления. Так, земские начальники могли бы, по примеру английских мировых судей, сделаться органами суда и управления для лиц всех сословий, живущих в пределах участка, причем для отправления их судебных функций готовым руководством могли бы служить уставы мирского суда. Взамен же сословного волостного суда мог бы быть образован низший сословный суд, необходимость в котором настоятельна и для некрестьян не менее, чем для крестьян. Волостные судьи могли бы комплектоваться из людей, отвечающих тем же требованиям, какие установлены для земских начальников, кроме, конечно, сословного ценза,

---

⁴⁸ Сборник документов по истории СССР. Для семинарских и практических занятий (период империализма). М.: Высш. шк., 1977. С. 15–16.

который нарушал бы сословный характер органов местного управления и суда. Прохождение должности волостных судей служило бы превосходной школой для подготовки кандидатов на более значительные должности местного управления и суда и в особенности на должности земских начальников, которых, соответственно их новому положению, было бы правильно переименовать в мировых посредников или судей. Над этими последними высшей инстанцией были бы их уездные съезды, с теми же подразделениями присутствий судебных и административных. Внизу (волостное правление) низший административный орган, тоже сословный, мог бы быть устроен подобно гминному управлению в губерниях Царства Польского, но с заменой выборного старшины должностным лицом по назначению правительства; это важно особенно на первое время, чтобы крестьянство, составляющее огромное большинство населения во всех волостях, не явилось фактическим руководителем волостного управления, что и для самих крестьян, при нынешнем уровне их образования и развития, принесло бы больше вреда, чем пользы, то есть «совершенно ясно, как просто и легко приспособить нынешнее судебно-административное устройство сельского быта к тем новым потребностям, которые возникли бы с распространением на крестьян действия общих гражданских законов. От реформы этой не менее крестьян выиграло бы и все сельское население, получив близкие и доступные органы управления и суда»;

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.